

МИХАИЛ МИХЕЕВ

Leipziger Straße
28 - 19

НА ОСТРИЕ
УДАРА

Боевая фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

На острие удара

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

На острие удара / М. А. Михеев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153573-9

В современном мире грань между войной и миром становится тонкой, почти незаметной, и однажды плотина договоров рушится. Кто первым умрет, решает когда трезвый расчет, а когда и случай, но первыми в бой идут элитные подразделения. Танковый спецназ нового века готовили не зря. Именно он крушит оборону врага, именно ему достаются самые тяжелые задания. И как бы ни повернулось дело, с кем бы ни пришлось сражаться, русские танкисты всегда НА ОСТРИЕ УДАРА!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153573-9

© Михеев М. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Михаил Михеев

Время большой игры: На острие удара

© Михаил Михеев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Родился в городе Ухта в 1973 году, в эпоху развитого социализма. Закончил институт, защитил диссертацию и всю жизнь проработал на предприятиях нефтяной и газовой промышленности. объездил Север, от тайги до океана, там же начал писать – полярной ночью в тундре это не худшее увлечение. На сегодняшний день автор почти двух десятков романов в жанре научной фантастики и фэнтези, изданных в Москве и Петербурге.

*Странная штука: ты смотришь в небо
И видишь свою звезду.
Но она слепа и глуха к тому,
Кто переступил черту.
Брось свой камень с моста – и тут же
По воде разойдутся круги.
Если б ты помнил об этом всегда,
Вставая не с той ноги.*

*У тебя, безусловно, были причины
Выиграть первый бой.
Но вряд ли ты потрудился представить
Все, что это повлечет за собой.
Твой самолет, готовый взорваться,
Уже набирал высоту.
Вряд ли ты думал об этом, когда
Переступил черту.*

«Белая Гвардия». Черта

– Ну что скажете? – Поляков стянул шлем, внимательно посмотрел на товарищей. Те уже освободились от амуниции и дружно хлебали какой-то хитрый коктейль из запасов местного эскулапа. А что поделать? После того как они узнали истинное положение вещей, ничего вроде бы не изменилось, но сил стало уходить несколько больше. Давил-таки груз ответственности, да и сам бой с последовавшим после него марш-броском занял немало времени.

– Нормальный материал. Хотя пока что сырой, – отозвался Сурок, лениво откинувшись в кресле. – А так – ничего, перспективные товарищи.

– А мне не понравились, – Леночка, подумав, нырнула в раздевалку и вернулась через минуту, но уже в свежей футболке взамен пропотевшей боевой амуниции. – Не наш состав, пожиже будут.

– Так их еще столько и не дрючили, – философски заметил Поляков.

– А не нравятся они тебе из-за того хмыря, который тебя в углу вчера зажать пытался, – вставил свои пять копеек Сурок.

– Это который? – разом подобрался Сергей. Об этом эпизоде он не знал, но оставлять его без последствий не собирался. Леночка только отмахнулась:

– Не бери в голову, врач ему руку уже вправил.

– Ага, понятно, – теперь Поляков точно знал, кому бить морду. – А если без эмоций?

– Потянут. Сегодня, во всяком случае, справились.

Действительно, справились. Их группе, страховавшей молодняк, пришлось вмешаться всего однажды. Это когда те, что на британских танках, решили сыграть в свою игру и изобразить фланговый удар. Молодняк, увлеченный избиением китайцев, его закономерно проворонил, и троица «стариков» приняла удар на себя. Вертелись, как ужи на сковородке, но «Челленджеры» все же выбили, хотя противник оказался неприятным. И в плане выучки, и потому, что машины у них явно превосходили серийные. Трофейщики наверняка постараются вытащить пару-тройку образцов.

А группы Волчка и Даши этого прорыва так и не заметили. На вечернем разборе вставят им пистон. Хотя бы потому, что командиры должны не атаку возглавлять, а боем руководить и обстановку отслеживать. Зачем вам иначе, спрашивается, телеметрия со всего, что только можно, идет? Это молодежи, для которых все происходящее еще так, игра, простительно, а вот им – сорри, гарантирован жестокий втык. Иначе в следующий раз и технику угробят, и задачу не выполнят.

– Ладно, ребята, хватит о грустном, – Сурок встал, с наслаждением потянулся. – До вечера еще время есть, айда на речку. Хоть поплаваем напоследок.

– А ты что, помирать собрался? – чуть язвительно, не обидно, а так, чтоб не расслаблялся, поинтересовалась Леночка.

– Угу. У меня школа через три дня, – усмехнулся Сурок.

Вот так. Лейтенант (уже неделю как вместо одной звездочки на просвете стало две по обеим сторонам – дали авансом за успехи в боевой подготовке) Сурков, кавалер не очень внушительного, но уважаемого ордена, еще даже школу не закончил. Специфика их оригинальной службы, ага. Никто его, разумеется, штаны за партой просиживать не заставит, но сам, видимо, понимает: ученье – свет, а неученье – чуть свет на работу.

Он, вообще, в последнее время стал куда серьезнее, Пашка Сурков. То ли груз ответственности поддавливает, то ли из-за того, что разбежался наконец, со Светой. Все ж можно вывести девушку из деревни, а вот деревню из нее – никак. И тот факт, что Света эта – горо-

жанка во втором поколении, ничего не менял. Так что разбежались – и пускай их. Тем более Сурок – парень видный, особенно сейчас, когда подкачался малость.

– Ну так как, поедем? – в голосе Сурка явственно звучали просительные нотки.

– А почему бы и нет, – подумал вслух Поляков. – Шашлыков взять, пивасика...

Сурок задумался на миг и продекламировал:

– Солнце, воздух и вода – это, братцы, ерунда. Лишь родной алкоголизм укрепляет организм.

– Иди уж, алкоголик. Тебе по малолетству пиво вообще не положено.

– На реку – значит, на реку, – подвела итог Леночка. – Надо только домой за купальником заехать.

– У тебя и без него есть на что посмотреть...

Вот так, серьезный вроде бы человек, а на самом деле как был мальчишкой, так им и остался. И леща словил моментально и с двух сторон. После чего вся их троица под неодобрительные взгляды уборщицы и тайно прячущего усмешку генерала Кузнецова промчалась по коридору, чтобы прыгнуть в машину и рвануть на отдых. Все же они и впрямь были еще очень молоды...

До автомобиля пришлось добираться минут десять – сегодня Сурок пришел на базу пешим драпом. Захотелось, видишь ли, прогуляться. Потом, как и положено, с визгом покрышек, но при этом ухитряясь не нарушать правил, к пляжу. Там еще провозились, выискивая место – стоянка была качественно забита, народ, пользуясь последними днями уходящего лета, торопился добрать упущенное за дни пьянки и дачи. Это российским футболистам разрешили парковаться в местах для инвалидов, а простым труженикам необъявленной войны приходилось изрядно постараться, чтобы найти себе место. Однако же нашли и радостно плюхнулись в теплую воду. В конце концов, что будет завтра, никто пока не знал. В такой ситуации каждый момент жизни доставляет несказанное удовольствие. И пусть весь мир подождет!

Великобритания.

Точное место не установлено.

Неделю спустя

– Вы неплохо выглядите, Харрис.

– Благодарю вас, сэр.

Знаменитая английская вежливость всегда балансирует на тонкой грани, разделяющей уважение и хамство, и только истинный британец, да не абы какой, а джентльмен с корнями, уходящими на много поколений в прошлое, умеет ее чувствовать. Харрис к породистым аристократам себя не относил, ибо происхождение имел самое плебейское и, хотя по долгу службы нахватался манер, грань эту чувствовал не всегда. Именно поэтому в общении с вышестоящими он предпочитал держаться отстраненно-вежливо. Не подобострастно, что вы, а просто с вежливостью, возведенной до абсолюта. Так хотя бы лишних проблем не огребешь.

Сейчас, например, ему и впрямь сложно было просчитать собеседника. Во-первых, тот стоял заметно выше как по званию, аж целый полковник (а учитывая ведомство, к которому относился, его погоны реально могли перевешивать иные генеральские), так и по происхождению. Настоящий герцог, в сословном обществе это значит чрезвычайно много. И даже если от герцогства осталась лишь фамильная шпага на стене, все равно он имеет право смотреть на собеседника, будь тот хоть полковник, хоть генерал, в точности согласно русской идиоме – как солдат на вошь. Таких снобов на самом-то деле не так уж много – но встречаются. А данный конкретный экземпляр был не только знатен, но и чрезвычайно богат – сочетание, автоматически поднимающее его на недостижимую высоту.

Во-вторых, на самом деле выглядел Харрис неважно. Блестел у него разве что новенький Крест Виктории, а вот все остальное... Если кратко, поездка обошлась ему куда дороже, чем

хотелось бы. Нет, он понимал, конечно, что командировка в Китай вряд ли окажется легкой прогулкой. Как ни крути, русские – не тот народ, с которым стоит шутить. Есть у них милая привычка размазывать шутников по стенам. Так что на курортный отдых Харрис не рассчитывал изначально, однако реальность превзошла самые смелые его ожидания.

То, что китайскую бронегруппу раскатали в тонкий блин, его не удивило. Собственно, в расходный материал узкоглазых списали еще в самом начале, до того, как начался бой. Да что там, еще на стадии планирования операции, до того даже, как они вышли на контакт с китайским руководством. Это было весьма познавательно наблюдать. Русские танки, зажавшие китайцев, выглядели, как монолитный пресс, давящий прочную на вид, однако по факту весьма хрупкую конструкцию. Сработано было тактически безупречно – артиллерийским ударом отсекали от пехоты, аккуратно прижали к реке, лишив свободы маневра, и методично расстреляли. Численное преимущество китайцев при этом роли не сыграло – русские действовали будто единый, идеально выверенный механизм. Они словно чувствовали друг друга. А у китайцев... Ну, у них как всегда. Стоит выбить командование – и не находится того, кто сможет перехватить управление боем. Классика восточного менталитета. И непревзойденная боевая устойчивость, и низкая чувствительность к потерям китайцам здесь помочь уже не могли. Стадо, даже готовое драться, остается стадом.

Харрису вспомнился тот китайский майор, отчаянно пытающийся восстановить управление войсками со своего импровизированного командного пункта. Болван! Да, бытовую электронику для всего мира производит Китай. Но то, что хорошо гражданским, недостаточно для нужд современных армий. И русские для подавления китайских средств связи пустили в ход системы, превосходящие их на поколение, а то и на два. А потом командный пункт накрыло артиллерийским ударом, и даже эти жалкие потуги сошли на нет...

Тогда Харрис и перешел ко второму этапу операции. Русские увлеклись боем, завязли... Вот сейчас британские машины нанесут свой удар, благо на них, похоже, никто не обращает внимания. Маршрут был разработан заранее – оврагами, по флангу, там, где дым от многочисленных пожаров скрывает броню от зениц вездесущих спутников. Предусмотрели все – и метеорологию, и рельеф, и даже русскую психологию. И угадали. Только вот не все.

Русские – очень увлекающийся народ. Храбрый, одаренный, однако же не умеющий, подобно европейцам, делать математически выверенные прогнозы на каждый чих. Когда-то это им помогало, но чаще наоборот. Широта русской души не знает удержу, особенно в драке, а значит, все они сейчас в бою. Так решили непогрешимые британцы. Вот только, как оказалось, несмотря на огромное численное превосходство китайцев и, наверняка, азарт схватки, северные варвары все же выделили часть сил в резерв. Точнее, в заслон. Всего три танка, «Челленджеры» должны были их смахнуть и не заметить. Но так получилось, заметили, причем слишком поздно. Ровно в тот момент, когда прямо в борт чуть вырвавшейся вперед машине ударил двадцатипятимиллиметровый снаряд.

Вообще-то считалось, что в разработке бронебойных снарядов русские несколько отстали от конкурентов. Виной тому – провал в девяностых, последствия которого так и не смогли окончательно преодолеть. Но то ли слухи были несколько преувеличены, то ли звезды так сошлись, то ли борт – вообще не место, которое стоит подставлять врагу... В общем, оперенная игла с запредельной стоимостью проделала аккуратную круглую дыру в левом борту, попутно смахнув голову механику-водителю, и выскочила наружу с другой стороны танка.

В первый момент никто даже не понял, что случилось. Ударило знатно, вот только сотрясение было не таким уж и сильным, и танк продолжал двигаться вперед. Безголовый механик все так же сидел, даже рук не опустил, будто не желая прерывать любимую работу по такому пустяку, как смерть, и «Челленджер» продолжал двигаться вперед... До первой рытвины, после чего, теряя управление, начал уходить вправо. Аккурат для того, чтобы подставить корму, и хотя командир уже сообразил, что происходит, и пытался занять место погибшего, это ничего

не меняло. Он просто не успел, и получив снаряд в двигатель, «Челленджер» вспыхнул, как свеча. Танкисты умирают страшно...

Впрочем, горели они не в одиночестве. Русские сработали четко, как на учениях, грамотно реализовав фактор внезапности. Харрис, чья машина из-за повреждений, полученных в завязке боя, немного отстала от основной группы, с болью в сердце наблюдал, как вспыхивают один за другим жуткие костры, в которых исчезают те, с кем он был знаком не один год, вместе служил и воевал. А главное, никто из них не смог нанести русским урона – просто потому, что даже не увидел врага.

А Харрис увидел, и шанс отомстить у него был. Это, конечно, против логики, но англичанин не был трусом. Успел выстрелить и даже попасть, а вот понять, сумел его снаряд пробить толстую, невероятно прочную броню русской машины, уже не смог. В его собственный танк угодили сразу два снаряда, пробив лобовую броню и разворотив гусеницу. «Челленджер» встал, и его, видимо, сочли погибшим. И спасло Харриса и его экипаж лишь то, что вначале они валялись контуженные, потом не смогли выстрелить в ответ – башню заклинило... В общем, все контуженные, раненые – но живые! А еще танк не загорелся.

Вот и сидели они в бронированном гробу, наблюдая из безопасного места дальнейший бой. Хотя, откровенно говоря, наблюдать было особенно не за чем. Танки, долбившие узкоглазых, так и продолжали сие богоугодное занятие, а троица, остановившая англичан, не вмешивалась, все так же осуществляя прикрытие. И, как отметил про себя Харрис, не вступали в бой даже тогда, когда оказывались в идеальной для атаки позиции. Просто замерли, не стреляя, и все.

Аналитиков потом, когда Харрис, выбравшись из ставшего вдруг совсем негостеприимным Китая, смог детально описать бой, очень заинтересовало такое поведение русских. Да что там аналитики – ему и самому было интересно. Но сейчас на вопрос полковника о том, что, помимо отраженного в докладе, заинтересовало его более всего, он ответил иное:

– Весь бой у меня было ощущение, словно русские ничего не боятся. Вообще. Ни смерти, ни ранений... Это и делало их работу столь эффективной. Они принимали решения мгновенно, словно бы не задумываясь, маневрировали крайне синхронно и при этом постоянно на грани, если вы понимаете, о чем я, сэр.

– Я... понимаю, – краешками губ улыбнулся полковник. – Ваше мнение, почему такое могло произойти?

– Возможно, какие-то наркотики, снимающие страх и усталость? – осторожно предположил Харрис. – Такие препараты...

– Имеются, – вновь улыбнулся герцог. – Хотя их эффективность... не всегда оправдывает надежды. Вы считаете, что русские создали боевую химию нового поколения? Или есть иные варианты?

– Это наиболее вероятно, сэр. Вообще-то я вначале думал, что мы имеем дело с роботами, но я участвовал в испытаниях наших машин... Это совсем другое. Так может маневрировать и драться только человек.

– Гм... Ваше мнение будет учтено. Глупо отмахиваться от слов профессионала. Благодарю вас, майор.

– С вашего позволения, капитан, сэр.

– Уже два часа как майор, поэтому позвольте вас поздравить. И ваш экипаж тоже!

Они разговаривали еще с полчаса, и майор, лучась радостью настолько, что вроде бы забыл даже и о контузии, и о руке на перевязи, бодрым шагом выскочил из кабинета. Герцог посмотрел ему вслед, едва заметно вздохнул.

Что же, хороший исполнитель – это тоже немало. С ним можно и нужно работать – и с ним будут работать. Жаль лишь, что он однокор.

Да, этот офицер храбр, умен и компетентен... в меру своих погон. Подняться выше и оглядеться у него не получается, а потому и не понимает он, что сотворили русские. Видит то, что у них великолепные танки и отличные экипажи. Но это лишь военные аспекты вопроса, главное же совсем в другом.

Русских с их вечным «своим путем» чересчур долго не принимали в расчет. Считали, как и сто, и тысячу лет назад, варварами. И дождались! Что они, спрашивается, сделали? А ведь они фактически вновь раскрутили промышленный маховик. И теперь придется вновь пере-страиваться, а это – деньги и силы! Которых у Великобритании осталось не так уж и много. А всего-то надо было думать о том, что сами же они, британцы, когда-то создали. И не отказываться от опыта предков.

В последние десятилетия слишком много внимания уделялось «умному» оружию. Очень часто в ущерб всему остальному. Танки, могучие, высокотехнологичные, дорогие, все менее востребованы – уж больно велик шанс, что это чудо техники угробит малограмотный туземец с гранатометом. Сотня таких туземцев стоит меньше, чем одна-единственная боевая машина, а значит, размен для них будет оправдан. С каждым годом ниша, в которой использовались танки, сужалась, а их производство падало. Американцы не производили их вовсе, только модернизировали ранее сделанные, британцы тоже, немцы... Ну, они производили, но заводы разместили даже не в Германии, за рубежом. Французы создали свои изумительно дорогие «Леклерки», на роль массового танка совершенно неподходящие, у остальных и вовсе была любительщина. Дорогие и малочисленные корейские и японские машины выглядели экзотикой.

Лишь русские и китайцы продолжали штамповать танки... А потом эти непредсказуемые русские будто очнулись и одним рывком вернули ситуацию на полсотни лет в прошлое. Туда, где сходились в бою танковые армады. И теперь остальным предстояло догонять, восстанавливать производство, запускать заводы и вливать средства в НИОКР¹. Черт побери, да русские перезапустили всемирный механизм промышленного производства, которое оказалось куда более востребованным, чем дутая экономика сферы услуг. Теперь всем придется привыкать к новым реалиям. Только вот чем закончится начавшаяся в очередной раз гонка вооружений – непонятно. Ясно лишь, что у русских имеется немалая фора.

Тот факт, что разведка, традиционно великолепная разведка островной империи окажется сейчас одним из камешков, способных удержать от обрушения плотину мирового порядка, совершенно не радовал. Хотя бы потому, что сохранить тонкую перемычку между относительным порядком и потоками хаоса, все равно не удастся. Впрочем, это было ясно и раньше, просто сейчас русские начали бить в основание плотины тараном. И если в прошлом шансы превратить обвал и неизбежный водопад в медленное оседание и хотя бы частичный сброс воды по резервным стокам, то ныне... Увы, увы, задача превратилась если не в безнадежную, то близкую к тому. Русские танки стали маленьким перышком, ломающим спину верблюду. Десятилетием раньше – и корабль пустыни не заметил бы этого, десятилетием позже – был шанс, что удастся его разгрузить, сейчас же... Боже, как все невовремя!

Полковник встал, прошелся по кабинету, затем плеснул себе в стакан на два пальца бренди, выпил залпом, не поморщившись и не закусывая. Это в кино жизнь Джеймса Бонда – сплошные приключения и горячие красотки, в реалии же все куда обиднее. Работа, работа и еще раз работа. Тяжелая и неблагодарная. Не зря же Джеймс Бонд всегда пьет столь легкие напитки. Нет у него времени напиваться. К тому же отношение общества к тому, чем они занимаются... своеобразное. И это тоже сильно давит на нервы. Про здоровый сон можно забыть, а к косым взглядам привыкаешь. Что тоже ой как тяжело. Но, как говорят те же русские, взялся

¹ Научно-исследовательские опытно-конструкторские работы.

за гуж – не говори, что не дюж. Герцог пару раз тяжело вздохнул и вернулся за свой стол, к едва заметно мерцающему экрану компьютера. У него сегодня было еще много дел.

Где-то в Прибалтике.

Это же время

– Ну все, сейчас я переколочу все горшки на этой кухне...

– Ну зачем же вы так, майор, – в тон ей прогудел из своего кресла Полански. – Какой смысл напрягаться? Вы скомандуйте, а уж я...

Полански со своим грубоватым чувством юмора действовал на Дину успокаивающе. Смешно, его простота и почти детская иной раз непосредственность могли взбесить, но ощущение того, что за плечом твоим маячит эта внушительная «осадная башня», как-то резко примирало с действительностью и грубостью окружающего мира. В том числе, возможно, потому, что отдай Дина приказ – и он в самом деле вывернул бы и город, и все его население наизнанку. Он вообще, похоже, относился к ней с долей отеческой нежности. Это бесило. Но и успокаивало одновременно. Так что майор Майер пару раз вздохнула, приводя в порядок нервы, и попыталась отвлечься на что-то более позитивное, чем нынешнее пребывание в сравнительно небольшом помещении с кучей народу.

Как там было в песне? «Одни и те же стены и одни и те же рожи кого угодно загоняют в смертную тоску»? Именно эти ощущения и присутствовали. Ох, прав был старый знакомый, мурлыкавший эти строки по поводу и без... Он вообще знал жизнь в разных проявлениях. Родился и вырос на севере России, там же начал работать в нефтянке. В Израиль приехал, огляделся, плюнул – и рванул в Канаду, где до сих пор работает на морской платформе. Деньги зарабатывает отличные, и возвращаться на Землю Обетованную не хочет ни под каким соусом. А вот в Россию частенько приезжает – друзья, знакомые, родня. Охота и рыбалка, наконец. Так что остались Дине от него лишь вялотекущая переписка да прилипчивая песенка, рожденная на просторах Севера². Очень подходящая к ситуации песня.

Нет, формально жаловаться им, конечно, не на что. Ни тебе войны, ни прочей нерво-трепки. Сиди да жди сигнала. Надо отдать должное группе обеспечения, позаботились о танкистах на славу. Дом, удобно расположенный и ничем не привлекающий внимания, изнутри был... Не то что больше, чем казался снаружи, но вполне просторен. Персональная комната каждому имела, а возможность уединиться и хотя бы какое-то время побыть наедине с собой – она дорогого стоит. Спросите у любого, кому приходилось жить в общежитии либо казарме – подтвердит.

Жаль только, затянувшееся ожидание давило на нервы, будто каменная плита. Надгробная. Плюс местный интернет... Он был под стать всей Прибалтике – ме-е-едленный. Настолько, что даже копаться в нем не хотелось. Учитывая, что выходить на связь с друзьями и родственниками запрещалось категорически, его практически и не использовали. Оставалось развлекаться кто во что горазд, лишь бы конспирация не нарушалась.

Ну что же, Каждому свое. Моше, к примеру, гулял – а почему бы и нет? В конце концов, это нормально для молодого мужчины – гулять и снимать доступных местных девушек. Они, конечно, не Венеры, но есть в них что-то венерическое. Хотя когда это озабоченных мужчин смущало? Вести себя как турист – маскировка не хуже любой другой. Особенно учитывая, что таких вот туристов с тягой к прекрасному полу здесь хватало.

Откровенно говоря, когда-то здесь была витрина СССР, в республики и пускали-то не всех. Местные жили ой как неплохо, но страна, кормившая их, почилла в бозе. А радостно спешащие присоединиться к семье европейских народов прибалты честно верили, что теперь их будут кормить другие, причем еще лучше. Наивные!

² Такая песня действительно есть, написана в г. Нарьян-Мар.

Весьма быстро по историческим меркам процветающие провинции империи стали задворками Европы. Нищими, которым позволено сидеть на ступенях и доедать объедки за пирующими господами. Так оно, к слову, и было, но обставили процесс столь шикарно, что многие долго (а некоторые и до сих пор) верили – они выиграли, приобретя свободу, независимость, богатство... А плата за это – сущая ерунда, всего одно маленькое предательство. И не замечали, точнее, не хотели замечать, что экономики у них как таковой не осталось, а богатые господа из более цивилизованных стран приезжают не для того, чтобы восторгаться их древней культурой. Какая там культура, не смешите! Зато можно запросто снять какую-нибудь студенточку, чтобы весело провести выходные. Просто, а главное, недорого. В общем, типичная ситуация в типичной колонии, со стороны это было хорошо заметно.

Дине было обидно. Умом-то она понимала, что здешние обитатели не имеют уже к ней никакого отношения. Но, если копнуть чуть глубже, сразу вспоминается, что именно из этих мест дед ее привез орден, две пули в ногу и ненависть уродов, что сейчас ходят на парадах ветеранов СС. Не понимая или же, скорее, не желая понять, что для настоящих эсэсовцев все они были лишь мясом, которое используют там, где самим «истинным арийцам» мараются неохота. В общем, связывала ее с этими республиками родовая память, и желание пройтись по улицам, засучив рукава и стреляя от пуза из автомата, наличествовало. Причем, как она подозревала, не у нее одной.

Вот такая загогулина. Охота застрелиться... или кого-нибудь пристрелить. С особой, хе-хе, жестокостью. Первое проще, второе интереснее. Увы, увыв, не всегда желания совпадают с возможностями, а потому оставалось сидеть и ждать, коротая дни кто как умеет. Моше гулял, мехвод дрых по двадцать часов в сутки. Железный организм... Полански оккупировал кресло, дегустируя напитки, но ухитряясь при этом не напиваться. Последнее и неудивительно, при таких габаритах водку можно пить ящиками, не опасаясь при этом за здоровье. Полански же напитки именно дегустировал, предпочитая вина и не пренебрегая закуской. Еще он довольно много читал, закачав в планшет кучу книг. То и другое весьма неожиданно для простоватого и, как до недавнего времени считала Дина, равнодушного к интеллектуальным развлечениям человека. А вот поди ж ты. Какие только не просыпаются в человеке таланты, когда ему делать нечего. На долю самой Майер оставался телевизор, который она, вооружившись банкой с довольно-таки неплохим местным пивом, сейчас без особого интереса и смотрела.

По телевизору шло очередное ток-шоу с очередной местной жоп-звездой. И по репертуару, и по качеству исполнения, и по фигуре. И, судя по некоторым особенностям поведения, ориентации. На мужчину это чудо не тянуло в принципе. При Союзе у него не было бы никаких шансов, а сейчас – вот оно, чучелко. Поет, по телевизору его показывают, вроде бы даже популярно...

Дина не понимала ни слова из того, что они там лепетали – все же шоу не на английском, а на местном языке. А его девушка при всем желании (если бы такое возникло, что само по себе из области сказок) даже не смогла бы отличить от любого другого незнакомого языка или наречия. Впрочем, и без того было ясно, что ведущий – мастер своего дела, и даже из столь убогой фактуры ухитряется выжать максимум. И, к слову, содержание нейтральное, во всяком случае, особой агрессии не звучало. А то здешние теледеятели будто помешались на русской угрозе. Во всяком случае, по местным англоязычным каналам она была в центре внимания непрерывно. Маразм!

Дина, откровенно говоря, в нее не верила. Нет, конечно, оклемавшаяся и желающая любой ценой заглушить позор недавнего поражения империя вполне могла жаждать крови. В том числе и местной – здесь столько орали про русскую агрессию, что убедили в ее неизбежности и себя, и самих русских. Так что – почему бы и нет? Вот только в том виде, который виделся аналитикам, с подачи которых группа Дины оказалась в этом медвежьем углу, она не случится. Это теоретики ориентируются на то, что им показали, Дина же, как практик, больше

думала о том, что русские припрятали в рукаве. Оно для здоровья полезнее. Картинка (для местных, разумеется, самой ей было наплевать) вырисовывалась безрадостная.

По ее скромному мнению, подкрепленному, впрочем, неплохой карьерой – как ни крути, но майоров, да еще и женщин, ее возраста, в израильской армии больше не наблюдалось – танкам здесь особо делать нечего. Во всяком случае, тому элитному подразделению, за которым охотилась их группа, точно. Специализация его – в этом Дина могла поклясться – заключалась практически исключительно в борьбе с бронетехникой, все остальное так, попутно. А как раз танков в этих краях и не было. Ну, почти не было, что-то вроде бы у прибалтов сохранилось, но общей картины это не меняло.

Задействовать против этого, с позволения сказать, воинства элитных танкистов все равно, что забивать гвозди микроскопом. Дорого и неэффективно. Вот «вежливые люди» – те да, запросто могли появиться. Особенно учитывая специфику местных армий. Ими ведь командуют отнюдь не дураки, среди вояк хватает тех, кто вначале получил отличное профильное образование еще в СССР, а потом переподготовку по стандартам НАТО. Да и в конфликтах, устраиваемых «старшими братьями», эти умники участвуют не просто так. Обкатка боем им требуется отнюдь не ради красивых слов.

Как ни крути, а умные люди (они здесь еще встречаются, чего уж там) хорошо понимают: в открытом бою с русскими время существования их армий будет измеряться даже не сутками – часами. Как бы ни орали местные диванные стратеги о своей непобедимости, подавляющее превосходство русских – объективная реальность, против которой не попрешь. И вывод тут простой – ставку на подобное делать попросту нельзя. А вот на партизанщину – можно и нужно. Все помнят, сколько сил и времени потребовалось в свое время на выкуривание «лесных братьев» и прочей нечисти. И при грамотной подготовке с соответствующей мотивацией, в качестве которой национализм годится не хуже любой другой, диверсионные подразделения могут изрядно попить крови у наступающих, замедлив их продвижение и выиграв время для подхода помощи. Другой вопрос, будет ли она, эта помощь, но в целом подход здравый.

Только ведь и русские – отнюдь не дураки, на ошибках, своих и чужих, учиться вполне способны и демонстрировали это уже не раз. Дина не сомневалась: в случае чего, большую часть местных вояк повяжут тепленькими в собственных постелях прежде, чем они успеют вякнуть. А вся остальная Прибалтика узнает, что завоевана, дня через два после того, как война закончится. Традиция у них такая. Впрочем, тут возможны нюансы, главное же не меняется – элитным танковым подразделениям в этих местах делать нечего.

– Пойду, разомнусь, – не выдержала она наконец. Смотреть дальше в экран зомбо-ящика моральных сил уже не оставалось. Тем более, перешелкав все каналы, успела убедиться, что ничего интересного не увидит в принципе. В ответ Полански буркнул что-то одобрителное, не вылезая, впрочем, из недр своего кресла. Дина философски пожала плечами – откровенно говоря, она рассчитывала, что заряжающий составит ей компанию, но прямо говорить ему об этом, разумеется, не стала. Вместо этого она шустро поднялась на второй этаж, в свою комнату, где и пропала на следующие полчаса, занимаясь тем, что понятно любой женщине, но притом недоступно большинству мужчин.

И вроде бы ничего особенного – джинсы, модный в этом сезоне свитер-водолазка в стиле семидесятых, чуть-чуть косметики... Тем не менее Полански, неизбалованный подобным зрелищем с ее стороны, на миг потерял дар речи, а затем одобрительно крикнул:

- Вы, как всегда, великолепно выглядите, майор.
- Стараемся, – улыбнулась Дина.
- Только рекомендую не пытаться изображать местную – мало ли...

Дина лишь кивнула – сама понимает, не дура. Внешне-то, положим, сойдет за кого угодно, благо одежду можно приобрести любую, а цветом волос никого не удивишь. В конце

концов, здесь тоже далеко не все девушки блондинки. Хотя, конечно, их тут много. Во всех смыслах...

Так вот, даже учитывая, что внешность не показатель, языковой барьер никуда не девается. Но английский Дина знала неплохо, местные же... Скорее всего, тоже знают, хотя бы ради того, чтобы не упустить возможность заработать евро-другой. Вот и повод проверить есть. Ну а ошибается – так на крайний случай есть еще русский, которым местные, хотя бы старшее поколение, владеть просто обязаны. Да и русская диаспора здесь немаленькая, это Дина знала точно. В общем, вариант, хотя и на крайний случай – мало ли, как переклинит местных. Националисты встречаются везде, и мозги у них частенько бывают неадекватные. Особенно у тех, которые избытком образования не обременены. Так что лучше уж английский.

Оно даже и неплохо, кстати. Даже если не поймут, то идентифицируют, поймут, что иностранка и туристка. А на туриста, основу местной экономики, лишний раз тявкнуть вряд ли рискнут. Да и раболепное преклонение перед хозяевами никуда не денется. В общем, нормально. Именно так думала Дина, обуваясь и направляясь к двери. Которой за секунду до того, как протянула к ней руку, едва не словила по носу.

– Вы! Здесь! Сидите! – вид у стоящего на пороге Моше был такой, словно его нахлобучили по голове пыльным мешком. Дина и Полански удивленно переглянулись.

– Вообще, я погулять собралась. А что случилось?

– Там... – наводчик с видимым усилием перевел дух. – Там русские с поляками сцепились! Все только об этом и говорят.

Все трое, не сговариваясь, повернули головы к телевизору, но, очевидно, новость была не столь важной, чтобы ради нее прерывать шоу. Полански зевнул, встал, извлек из холодильника упаковку с пивом, достал одну из мгновенно запотевших банок и кинул ее Моше:

– На, выпей и успокойся.

Парень, кивнув благодарно, со скрежетом вскрыл емкость и припал к ней губами. Очевидно, пиво, как и положено одной из вечных ценностей, послужило неплохим якорем, разом вернувшим его в состояние гармонии с окружающим миром. Осушив банку и скомкав в комок податливую жесть, Моше пару раз глубоко вздохнул и выложил все, что знал.

Увы, знал он немного. Пришлось врубить интернет и, мучительно ожидая, когда загрузятся сайты, поискать информацию там. Получилось, конечно, хотя процесс и занял больше часа. И из мутного, словно в канализации, потока информации им все же удалось кое-что выудить.

Итак, веселье началось, причем совсем не по тому сценарию, что предсказывали аналитики. Дина мысленно поаплодировала себе, проницательной такой... Не там и не так... И не теми.

На этот раз первыми начали поляки. Земляки Полански вообще в некоторых случаях вели себя, как идиоты. А иногда и вовсе без «как». Гонор, вообще-то неплохой довесок к храбрости, у них частенько заменял и мозги, и даже обычный инстинкт самосохранения. Особенно когда можно было продемонстрировать окружающим остатки давным-давно пролюбленного величия своего народа. Хоть кому-то продемонстрировать!

Как, в общем-то, известно, в мире имеется немалое количество элитарных клубов. Причем как для людей (особенно в Англии), так и для государств. Большая Семерка, Большая Двадцатка... Вот и здесь сложилось нечто подобное. Клуб Мелкие Шестерки, включающий прибалтийские страны, Польшу, ну и еще кое-какую шушеру. И, не имея возможности солидно выглядеть среди по-настоящему серьезных игроков, Польша старалась верховодить хотя бы здесь. Тем более в ситуации, когда все ухитрились сами себя уверить в неизбежности русской агрессии. Особенно с учетом, что у польской верхушки при одном слове «русские» напрочь сносило крышу.

Смешно, но немалое количество поляков, в прошлом оказавшихся в России, вписали свои имена в ее историю. Одни Рокоссовский с Дзержинским чего стоят! Или адмирал Шенснович, герой Порт-Артура и создатель подводного флота России, или... Да чего уж там, имен много, а сколько было поляков, просто честно работавших на благо великой страны, ставшей для них Родиной. И создавалось впечатление, что лучшие уехали, а те, кто остались... В общем, не так уж много в руководстве Польши оказалось пускай не гениев, но хотя бы просто адекватных людей. Иначе не случилось бы сегодняшних событий.

Опуская подробности, у русских был Калининград. Он же в прошлом Кенигсберг, Город Королей... К полякам не имеющий никакого отношения, что последними, однако, упорно игнорировалось. Ну, желали они иметь старинный город с хорошим портом и военно-морской базой в придачу. Мечтать не вредно. А русские на все поползновения как поляков, так и их покровителей, демонстративно отвечали неприличным жестом да наращивали группировку войск. Вот, похоже, и решил кто-то проверить, так ли круты русские в бою на самом деле и готовы ли идти до конца. Поляки же, усердно подзуживаемые кукловодами, согласились на роль пушечного мяса добровольно и с песнями. Рассчитывали, наверное, что Запад им поможет, а членство в НАТО гарантирует неприкосновенность. Наивные!

В общем, резюмируя, получилась вполне ожидаемая картина. Поляки радостно вперлись на территорию Калининградской области, прошли несколько километров, после чего нарвались на массированный ракетный удар. Причем русские, не мудрствуя лукаво, накрыли их объемно-детонирующими боеприпасами, прозванными журналистами вакуумными бомбами. Море огня и дыма, но главное даже не в этом. Всего за несколько часов достаточно мощная польская группировка оказалась в кольце. И располагалось оно исключительно на русской территории. Что теперь делать, спрашивается?

– Вы знаете, – Дина задумчиво потерла кончик подбородка, – я, пожалуй, все же прогуляюсь.

– То есть? – дружно повернулись в ее сторону все, даже разбуженный и оттого выглядевший максимально неудовлетворенным жизнью мехвод.

– То есть потом времени не будет. По сути, сейчас все сводится к простому вопросу: соседи как, в конфликт влезут? Потому что русские уже обложили поляков и, я подозреваю, спешно утилизируют по ним устаревшие боеприпасы. Все равно те укрыться не могут. Вот русские и стараются уложить побольше народу за малые деньги до того, как вмешается большая политика и конфликт прекратится. Стало быть, Польша выведена из игры. Во всяком случае, на данном этапе. Если соседи вмешаются, то конфликт затянется. Если нет – быстро прекратится. Хотя, конечно, не факт, что русские захотят выпустить из зубов старого недруга. Но при любом раскладе шанс, что нас отсюда выдернут и отправят... куда-нибудь, очень велик. Так что воспользуюсь моментом и все-таки прогуляюсь, хоть город посмотрю. А то потом не успею. Приказа сидеть и ждать нет, так что – имею право.

– Ох уж мне это... – проворчал в ответ Полански, явно намекая на женскую логику вообще и майорскую в частности. Тем не менее пускать дело на самотек он не собирался – встал и быстро, в какие-то пару минут, оделся, превратившись во вполне респектабельного джентльмена. Что же, Дина не собиралась отказываться от сопровождения, в смутные времена друг и телохранитель в одном лице недоступная многим роскошь. В иное время – да, отказалась бы, Полански своей выдающейся статью поневоле привлекает ненужное внимание. Но сейчас – ни в коем случае.

Город выглядел... насторожившимся. Именно так. Будто собака, наблюдающая за чужой дракой и не знающая, чего ждать – то ли ее не заметят, то ли пнут под ребра, не со зла даже, а просто чтобы не лезла. А то еще хозяин скомандует «Фас!», и тогда ей придется броситься в атаку, даже зная, что она будет последней в жизни.

А повод размышлять подобным образом у местных имелся. Паранойя штука интересная, помимо страха рождающая еще и тягу к самообразованию. Так что подлетное время русских ракет здесь наверняка знали все. И все почему-то верили: ракеты прилетят. Даже если они будут сидеть тише воды, ниже травы, все равно прилетят. Вот сойдутся с курса – и ага, прямехонько в центр города.

Дине их страхи казались бредом. Мало того, что высокоточное оружие промахивается достаточно редко, так оно еще и направлено сейчас совсем в другую сторону. Во всяком случае то, что задействовано непосредственно в конфликте. Но даже если что-то пойдет не так и очередной Искандер, вместо того, чтобы растереть в пыль пару десятков бравых польских вояк, уйдет в белый свет, как в копеечку, что с того? Города – они только изнутри кажутся большими, в масштабах планеты же творения рук человеческих так, мелочь. Вероятность того, что ракета грохнется в лесу, превращая сосновый бор в кучу дров, куда выше, чем попадание в черту города. Раз этак в – дцать. Но простым, излишками образования не обремененным людям подобного не объяснишь. Вот и ходили здешние внешне бодро, а внутри – как сжатые пружины, готовые при первом звуке опасности нырнуть в какое-нибудь укрытие. И, опять же, не понимающие, что если они услышали звук ракеты – значит, она прошла стороной, а смерть они все равно не успеют ни услышать, ни увидеть.

Впрочем, пока что все делали вид, что ничего не происходит. Трус ломается от страха. А храбрый ломает страх. Относятся жители города к первой или второй группе, покажет будущее, сейчас же на улицах жизнь катилась вполне, на первый взгляд, мирная. Работали магазины, кафе, в одном из которых Дина с мрачнеющим на глазах Полански неплохо перекусили... А потом пришло ожидаемое сообщение о подготовке к эвакуации, и они двинули обратно к дому. Что уж там будет дальше – будущее покажет, а у них есть приказ. И охота на русские танки еще не закончена.

Дальний Восток, Приамурье.

Это же время

Темнота – друг молодежи. А еще помощник беглеца. Если, конечно, беглец достаточно грамотен для того, чтобы воспользоваться преимуществами, которые она дает. Майор Чжэн для этого был достаточно подготовлен, а инстинкт самосохранения оказался хорошим стимулом. Во всяком случае, бегать так, как сегодня, ему не приходилось едва ли не с курсантских времен.

Вообще, когда его привезли после того боя в госпиталь, расклады были понятны изначально. Вот он, козел отпущения, любите и радуйтесь. Однако время шло, никто Чжэна не дергал, и он почти поверил, точнее, убедил себя в том, что и в этот раз беда обошла его стороной. Он же везучий! А еще, как оказалось, наивный, потому что крайний при поражении нужен в любом случае, и майор подходил для этой роли идеально.

Не было даже пародии на суд – ему просто зачитали приговор. Ему – ну и еще кое-кому. Наверное, чтобы два раза не собираться. И – а вот это уже оскорбление – все они были гражданскими, идущими по совсем другому, чисто уголовному делу. Его же официально обвинили в коррупции, приведшей к снижению боеспособности подразделения и, как следствие, поражению. Генералы, как всегда, отмазались, а непосредственно рисковавший шкурой в бою майор попал под раздачу. И приговор – расстрел... Что же, стоило ожидать.

Вот только люди, спасающие карьеру и для этого сумевшие представить жестокое военное поражение как банальную уголовщину, просчитались в одном нюансе. Поведение испуганного до мокрых штанов гражданского шпака и опытного, не раз ставившего на кон шкуру военного может весьма отличаться. Особенно если этого военного уже ничего не держит, зато впереди маячит шанс. Пускай дохленький – но это все же лучше, чем ничего.

Теоретически люди, работающие с приговоренными, должны быть готовы ко всему. По факту же дело обстоит несколько иначе. Особенно там, где не принято сопротивляться власти, и Китай здесь впереди планеты всей. Именно поэтому конвоиры слишком поздно отреагировали. Ну, не укладывалось в их куцем сознании, что их могут начать убивать.

Они были хорошо подготовлены, эти парни в форме. На каждом трупов – хватит на хорошее кладбище. Но ни один из них еще ни разу не применял свое умение в реальном бою. И ни одна тренировка не в состоянии привить и довести до совершенства рефлекс, позволяющие в таком бою выжить.

У вышедшего живым и почти целым из ада танковых боев Чжэна и опыта, и рефлексов, и просто безразличного отношения к жизни врагов, умения не воспринимать их в качестве людей хватало. С желанием выжить самому тоже было все в порядке. А потому крутых, подготовленных, настрелявшихся по людям палачей он убил спокойно, хладнокровно и без лишних рефлексий.

Дальше требовалось убраться как можно дальше, и не его вина, что гражданские братья по несчастью за ним не последовали. Их конвоиров он убил тоже – не из кровожадности, а потому, что они могли представлять опасность. К примеру, бухая позади тяжелыми берцами и стреляя в спину. Так что убил, посмотрел на искаженные ужасом лица остальных приговоренных, сплюнул и рванул прочь. И даже хорошо, что никто за ним не побежал. Одному проще, да и презирал он тех гражданских – он-то сам, как ни крути, жертва интриг, служивший честно и храбро, они же всего-навсего преступники. Воры, коррупционеры... В общем, пес с ними.

А потом было отчаянное бегство. Надежно укрыться в Китае, равно, впрочем, как и в любой стране с хорошо развитыми полицейскими структурами, крайне сложно. Особенно если ты не имеешь ни связей в криминальных кругах, ни опыта подпольной работы. Чжэн не имел, ни того, ни другого. Потомственный военный, криминал он не жаловал, а подполье... В общем, не его специфика.

Он делал то, что ему оставалось – бежал. Как можно быстрее, как можно дальше, главное, выбраться за границу. В другое государство, достаточно большое, чтобы затеряться на его просторах, и достаточно сильное для попытки наглым образом выслеживать человека на его территории. И проще всего это сделать на севере, где само понятие границы условно. Да и русские не тот народ, чтобы договариваться с наглыми соседями. Таковых они, скорее, пошлют куда подальше. Особенно в свете конфликтов последнего времени...

Будь Чжэн склонным к высоким материям философом эпохи какой-нибудь древней династии, он для описания своего прорыва наверняка выбрал бы слово «эпический». В какой-то степени так оно и было – попробуй, скройся от недремлющего ока правосудия в такой стране, как Китай. Это только европейцам кажется, что все азиаты на одно лицо, сами же они друг друга различают прекрасно. И неизвестно даже, где безопаснее – в утыканных камерами наблюдения городах или в сельской местности, где все друг друга знают. Универсальное правило, единое, что для Китая, что для России с Америкой... Но Чжэн сделал невозможное, проравшись через половину страны, и вот, буквально на последних километрах, его засекли...

Да, пограничники – это не зажавшиеся дятлы-конвоиры. Стражи внешних рубежей, передовая линия обороны государства, они не просто ощущают собственную исключительность, но и действительно превосходят других. Таких запросто не положишь – сами кого угодно сожрут и не подавятся. Вот и пришлось майору проявлять чудеса изворотливости, чтобы пройти мимо них. Счастье еще, что они не слишком усердствовали. Не знали, кого ловят, а своих браконьеров, регулярно пробирающихся на русскую территорию, ловили исключительно формально. Правда, браконьеров тех стало в последнее время куда меньше – русские приобрили отвратительную привычку расстреливать их на месте, и число желающих прогуляться к ним резко сократилось. Ну и повезло, что именно в этих местах майор совсем недавно воевал

и успел хорошо изучить местность как на картах, так и лично. Во всяком случае с тем, где стоит остов сгоревшего танка, и какого именно, он не путался.

В одном из этих стальных гробов он просидел весь день, с отвращением вдыхая так и не выветрившиеся до конца запахи выгоревшей смазки, раскаленного адским огнем металла и обугленного человеческого мяса. Кого-то менее привычного это сочетание, наверное, и с ума бы свести могло, но Чжэн уже не раз бывал в подбитых машинах и имел некоторый опыт. Просто сейчас все это было пускай не столь концентрированно, зато куда дольше. Но от собак защищало неплохо – судя по всему, его так и не унюхали, да и пограничники (а они проходили мимо дважды) лезть в пахнущую смертью груды металлолома не жаждали.

Был, правда, в сидении здесь и еще один небольшой плюс. Сомнительный, правда, но все же. Такой, знаете ли, квалификационный. За время, проведенное в танке, Чжэн детально изучил, что способен сделать с боевой машиной русский снаряд. Посмотреть было на что, и увиденное не радовало.

Судя по всему, кумулятивный снаряд ударил аккуратно в лоб танка. По идее, это самое защищенное место, для снарядов практически непроницаемое, но, как оказалось, все это голая теория, не более. То ли русские снаряды оказались эффективнее, чем принято считать, то ли китайская броня качеством ниже, чем в официальных отчетах. И то, и другое, одинаково паршиво. Вдобавок динамическая защита неожиданно для танкиста показала себя бесполезной, хотя, теоретически, просто обязана была защитить машину. Однако же, как говорят русские, прибор всегда защитит предохранитель, сгорев первым.

От снаряда осталось небольшое отверстие, почти идеально круглое, с оплавленными краями. Механик-водитель, очевидно, погиб сразу же. Остальным досталось не меньше. Чудом не взорвался боезапас, однако и самого снаряда хватило, чтобы отправить экипаж на встречу с предками. Брызги расплавленного металла, которых оказалось на редкость много, летели с огромной скоростью, танк изнутри был ими буквально испятнан. Ни одного целого прибора не осталось. Огонь тоже вспыхнул, но автоматическая система пожаротушения сработала штатно. Хоть что-то сработало...

Выводы? А они просты. Для войны с русскими танки Поднебесной не годятся. Братские могилы, не более того. И, кстати, эта информация может пригодиться при любом раскладе. Кроме одного – если его, Чжэна, все же убьют. И потому майор набрался терпения, дождался, то впадая в забытие от усталости, то смиряя рвотные позывы, темноты и рванул-таки через границу. Его снова заметили, даже стреляли вслед, но даже если у пограничников были приборы ночного видения, на приличном расстоянии попасть в быстро бегущую и отчаянно пытающуюся сбить стрелкам прицел фигуру не так и просто. Даже стрелкам-пограничникам. Снайпер бы справился, конечно, однако на этот раз удача была явно на стороне Чжэна. Очень похоже, среди его преследователей здесь и сейчас призовых стрелков не нашлось. А потом под ногами захрустела галька, и майор сразу по грудь провалился в теплые и чистые воды пограничной реки. Отчаянный рывок – и вот он на другой стороне. Свобода!

– Стоять! Руки вверх!

Хорошо, что русский язык, пусть и на примитивном уровне военного разговорника, Чжэн понимал. Впрочем, он так и так не стал бы делать лишних движений – хорошо осознавал, в каком положении находится. Бесправный беглец и нарушитель, этим все сказано. Конечно, жаль, что не получилось затеряться, но, в любом случае, жить будет. А там уж...

Именно поэтому он даже не пытался сопротивляться, когда его бесцеремонно обыскали, после чего, заломив руки и загнув в позу креветки, потащили куда-то в темноту. С той стороны реки орали что-то нечленораздельное бывшие соотечественники, но русские дали короткую очередь из автомата, и там заткнулись, как по волшебству. Пули, скорее всего, ушли в белый свет как в копеечку, но это четко показало – шутить никто не намерен, а память от полученных недавно уроков была еще слишком свежа, чтобы игнорировать столь толстый намек. Впрочем,

Чжэна это уже не волновало, он шустро перебирал ногами и отчаянно надеялся быть полезным новым хозяевам.

Россия.

Через сутки

– Ну, где вы там? – Сурок едва не приплясывал возле своего четырехколесного монстра. – Давайте уже! Тренер нам за опоздание ноги выдернет.

Тренером старожилы базы называли между собой Кузнецова. Не для того чтобы выделиться и подчеркнуть свое особое положение, и даже не по привычке, а просто чтобы не сбиться да не ляпнуть при посторонних «генерал», нарушая тем самым режим секретности. Ведь на ней, собственно, все и держится. Пока их воспринимают как обычных придурков... Ну ладно, ладно, как особо крутых придурков, на них вражеская разведка не обращает внимания. Ну, спортсмены, ну способны кому-то навалить, ну, заработки приличные... Что в этом такого? Вот пускай этот спортивный «туман» над ними и останется. Дешевле обойдется, знаете ли. Во всяком случае, сам отец-командир сказал именно так, а его мнению доверять стоило.

– Да сейчас, сейчас, – Леночка распахнула дверь, шагнула и дальше запрыгала на одной ноге, страдальчески морща лицо и поправляя кроссовку. А вот нечего надевать, а шнурки не завязывать. Болтающаяся на ноге обувь – причина травматизма или, как минимум, неприятных ощущений из-за скомкавшейся в непонятную конструкцию стельки. Чуть поотставший от девушки Поляков едва заметно улыбнулся уголками губ, так забавно было наблюдать за подругой. Откровенно говоря, в том числе за такую вот периодически прорывающуюся из-под маски серьезности почти детскую непосредственность он ее и любил.

– Сейчас, сейчас – передразнил ее Пашка. – Давай уж, женщина, шевели корявками.

– А вот за это можно и по шее, – Поляков выдал ему самую мрачную ухмылку из своего арсенала. Сурок тут же понял, что хватил лишку, и сдал назад:

– Спокойно. Признаю свою ошибку. Рассыпаюсь в извинениях. Лежачего не бьют.

– Угу, его топчут, – отмахнулся Сергей. – Заводи свой пепелац и погнали.

Сурок, явно решивший не усугублять ситуацию, согласно кивнул и прыгнул за руль. Взревел как раненый зверь двигатель и как только двери сочно хлопнули, отделяя пассажиров от окружающего мира, автомобиль по-голливудски, с проворотом колес, рванул с места. Бабки на лавочке проводили их неприязненными взглядами, но смолчали. Успели, видать, усвоить преподанный ранее урок, но не успели его забыть. Последнее радовало несказанно. Наверняка пошепчутся между собой, капая на пол ядовитой слюной, но кто уголовник, а кто проститутка вслух не скажут – не посмеют. А там пускай хоть подавятся злобой, никого это не волнует.

Но выехать со двора оказалось не так-то просто, ибо аккурат посреди дороги еле-еле шевелил педалями велосипедист. И торопиться не собирался, зараза, так что выползали они долго и мучительно, попутно успев перебрать кучу не вполне приличных эпитетов. Увы и ах, здравые идеи о том, что водителям двухколесных «коней» надо сдавать экзамены на права и вешать номера на свои агрегаты, носились в воздухе давно, однако воплощения в реальности так и не нашли. А жаль – очень уж хотелось иногда привлечь их за хамство на дорогах. Хорошо еще, выехав со двора, конкретно этот кадр свернул в сторону, и Сурок наконец смог втопить педаль газа.

К базе они прилетели даже с запасом по времени – Сурок все же был отличным водителем, да и вышли они не то чтобы чересчур поздно. Больше паники, чем реальной спешки, откровенно говоря. И, разумеется, никакой тренер их не встречал, с нетерпением глядя на часы, дабы поймать на опоздании. Вообще, у входа болтался только Котенок, неприязненно глядящий на приехавших. Ну, у него повод не любить их имелся – глаз недавно так заплыл, что едва три дня назад открылся. А все почему – да потому, что у Полякова рука тяжелая. Ибо нечего на чужих девушек заглядываться.

– Где вы там?

– Молчи, салага, – фыркнул Сурок, по-пижонски, с дрифтом и визгом шин запарковавший машину и выбравшийся из-за руля довольный до безобразия.

– Тренер уже спрашивает. Поговорить с вами хочет. Интересно, о чем.

– Как правильно: собачье или собачачье? – поинтересовалась Леночка. – А то очень хочется сказать, что вас, молодой человек, разговор не касается.

Котенок злобно на нее посмотрел, но развивать тему не стал. Во-первых, троица «ветеранов» была на особом счету, это не скрывалось, и держалась особняком, а во-вторых, сам понимал, что виноват в собственных бедах. Понимал, а вот признавать не хотел, из-за чего в группе возник очаг напряженности. Но это беспокоило Полякова в последнюю очередь. На его взгляд, особой ценности как игрок Котенок не представлял. Не удержится – так и хрен с ним, тем более что некоторый отсев все равно был запланирован.

Впрочем, если Леночка на дух Котенка не переваривала, то парни относились к нему попросту безразлично. С точки зрения Полякова, человек допустил ошибку, получил за нее по шее и обещал больше так не делать. Инцидент исчерпан. Сурок же и вовсе с Котенком разве что в спортзале пересекался. Так что плевать.

Леночка стремительно, как будто летя над землей, взбежала по ступеням. Поляков и Сурок держались чуть сзади, но выглядело это как ненавязчивый и притом внушительный намек окружающим – с этой девушкой связываться не стоит. В таком составе они и попали в кабинет генерала, как раз священнодействующего у кофейного автомата. Тот, известный своей капризностью, злобно жужжал, исторгая клубы пара, но ароматный напиток рожать не собирался.

– Лейтенанты, – печально обернулся к ним Кузнецов. – Вы у нас молодые, технически продвинутые. Эмансипированные, черт возьми! Разберитесь кто-нибудь с этой адской машинкой, пока я не выбросил ее в окно. Это приказ!

Представитель эмансипированной части общества хихикнула и, деликатно оттерев высокое начальство плечом, полезла в недра агрегата. Спустя каких-то три минуты кофе были снабжены все присутствующие, и генерал, вдохнув его манящий запах, печально вздохнул:

– Старею я, да... Старею. За вами мне не угнаться.

– А вы попробуйте, – нахально влез Сурок. – Мы вам подскажем, если что.

– Молчи уж, подсказывальщик, – отмахнулся Кузнецов. Не выросло у тебя еще, чем ты мне подскажешь. А командовать я и без этого могу. Вот отправлю тебя неделю сортиры чистить, и попробуй мне отказаться, лейтенант.

Последнее слово он выделил так, чтобы было пострашнее, но никто почему-то не испугался. Вместо этого Поляков ухмыльнулся и предложил:

– Вы лучше его воспитателем в детский сад направьте. В ясельную группу. Как в том фильме... Как его...

– Ночной нянь, – задумчиво, чисто на автомате отозвался Кузнецов. – Или усатый нянь... Уже не помню, старею. Но мысль интересная. Живо научится старших уважать, да и терпение привьется...

– Ага, – ядовито прищурилась Леночка. – Пусть там младенцам преподает: Гимлер бяка, Гитлер кака, поджигателям войны а-та-та по попке. Думаю, им понравится.

– Только не это, – в притворном испуге замахал руками Сурок. – Только не это! Мне уже страшно!

– Ага! Вот оно твое слабое место! – Кузнецов внезапно посерьезнел. – Ну, ладно, парни, шутки в сторону. Похоже, у нас на носу серьезные проблемы.

– С Польшей? – Сурок был в курсе дела, остальные лишь удивленно уставились на него. Поляков новости не смотрел, вполне обоснованно считая, что информацию там фильтруют со страшной силой и найти в мутном потоке слов, извергаемых дикторами, важную и в то

же время достоверную информацию неоправданно сложно. Что действительно важно, ему в подробностях сообщают на Базе компетентные люди, а остальным незачем мозги забивать. Леночка вполне разделяла его мнение. И вообще, у этой парочки находились занятия поважнее, чем телевизор.

А вот Сурок «ящик» смотрел регулярно, и не только программы для тинейджеров. Сейчас, ко всеобщему удивлению, он попал, что называется, в точку. Генерал кивнул, вкратце изложил расклады, после чего резюмировал:

– В общем, мы или быстро и красиво размазываем пшеков в тонкий блин по ближайшей стенке, или все вокруг будут считать, что не так уж мы и круты. И перестанут бояться воевать с нами, уроды!

– Так за чем дело встало? – удивленно поднял глаза Поляков. – Насколько я понимаю, их оперативную группу сейчас добивают, а основные наши силы развернуты в сторону соседей и ждут только, дернутся они или нет.

Кузнецов лишь раздраженно махнул рукой:

– С этими вопросов нет. Вопрос с самой Польшей. Ее надо выбить из войны быстро, эффективно и, желательно, насмерть. При этом конвенционными методами. В общем, молодняк пускай тренируется, а вы собирайтесь – и на полигон. Там вам покажут новую игрушку. Надеюсь, она вам понравится. И времени на освоение у вас до вечера. Все, ребята, допиваем кофе – и бегом! И прошу вас, на этот раз без фокусов.

Полигон.

Час спустя

Новые танки, вернее один демонстрационный экземпляр (остальные были уже на пути к месту грядущей войны), действительно впечатляли. Те же Т-90, но теперь не переделанные под новые технологии, а изначально построенные для их реализации. Толще броня, снарядов и патронов больше, несколько иная, улучшенная конструкция автомата заряжания и оптимизированные системы активной и динамической защиты. Внутреннее пространство, правда, резко уменьшилось, но, учитывая, что танк предназначался для работы исключительно в режиме управляемого робота, это было оправдано. Компьютер на гусеницах, вот что это было. Ручное управление здесь предусматривалось только для перегона или эвакуации, а значит, и места оставили на одного человека. В общем, совершенно новая машина, предшественника напоминающая лишь внешне.

Особенно впечатляло орудие. Все те же сто двадцать пять миллиметров, хотя башня, избавившись от людей, допускала возможность без особых проблем воткнуть в нее полноценную шестидюймовку. Тем не менее делать этого не стали – уж больно много переделок пришлось бы осуществить во внутренних механизмах. Тот же автомат заряжания чего стоит! А главное, новая конструкция – новые слабые места, которые, по закону подлости, вылезут в самый неподходящий момент, то есть в бою. Поэтому решили не рисковать с новшествами, развивая конструкцию танка не революционно, а путем сравнительно неспешной эволюции. И, на взгляд игроков, это выглядело вполне оправданно.

Тем не менее орудие действительно превосходило своих предшественников. Большая длина ствола, лучшая баллистика, скорострельность на четверть выше. Плюс номенклатура снарядов, которые можно было использовать, куда шире, чем раньше. Посмотрев на них, вся троица, не сговариваясь, дружно присвистнула. Одни снаряды, как считалось, еще в разработке и появятся через пару лет, не раньше. Но про них хотя бы известно было, что они существуют в природе. Про некоторые даже разговоров не ходило. Как говорится, суслика видишь? Нет? А он есть. Вот и боеприпасы тоже... имелись.

А еще движок на четверть мощнее, чем раньше. Вполне оправданно – эта модификация танка добавила в массу аж четыре тонны, но, благодаря новым «лошадкам», бегала даже шуст-

рее, чем раньше. В бою же скорость – это частенько наше все. Жаль только, назад танк, в точности как и раньше, полз черепашным шагом, ну да нет в мире совершенства.

Стелс-покрытие тоже выглядело серьезной штукой. Разумеется, по сравнению с самолетами эффект куда ниже, однако все равно шансы на выживание повышает. Да и инфракрасное излучение снижается. Если верить инструктору, при минимальных навыках маскировки оставить противника с носом можно запросто. Вот только в реальном бою это пока никто не проверял. Стало быть, придется самим. Опять все самим.

Закончив осмотр, прокатившись, постреляв и оставшись в полном восторге, они уже в опустившейся на полигон темноте направились к ожидающей их машине. А потом Сурок вдруг остановился и с какой-то надрывной злостью сказал:

– Ну все, ребята. Вот и вступили мы...

– Куда?

– Ну не в партию же...

– Ты выражайся яснее, – усмехнулась Леночка.

– Чего уж тут яснее. Ребята, если такой танк вместо полноценного освоения сразу посылают в бой, значит, дело швах.

Все трое переглянулись и замолчали. Доля правды в словах Пашки имелась, вопрос – какая. Увы, по всему выходило, что самый молодой из их группы попал в самую дырочку, и игры закончились. Начинаются суровые будни, черт побери!

– Чего приуныли? – инструктор подошел неслышно, будто из воздуха материализовался.

– Да так... – неопределенно отозвался Поляков и, как оказалось, зря.

– Против «так» у нас есть трудотерапия. Чтоб не горевали, ну-ка, молодежь, отдраить танк, чтоб блестел, как у кота... гм... – тут инструктор чуть смущенно посмотрел на Леночку и хмыкнул, – шерсть. В темпе, молодежь, в темпе!

Спорить было, по меньшей мере, неразумно. Хотя бы потому, что инструктор был старше по званию. Однако же Сурок, как обычно, попытался взбрыкнуть.

– Во-первых, сейчас ночь. Мы ничего толком не увидим.

– Загоним танк в ангар и включим освещение, – не моргнув глазом, парировал инструктор. – Еще аргументы?

– А во-вторых, это против законов физики.

– То есть? – брови инструктора удивленно взлетели вверх, почти вылезая на лоб. – Соблаговолите выражаться яснее, молодой человек.

– Ну как же... – сделал удивленное лицо Сурок. – Есть такое явление. Круговорот воды в природе – это когда идет дождь, машина заляпывается грязью, ты ее моешь, вода испаряется, пар поднимается, формируясь в тучи, а потом снова идет дождь. Именно поэтому если ты помыл машину – значит, скоро будет грязно. Верная примета.

– Угу. Это было старо еще в эпоху моего детства, – ухмыльнулся инструктор. – А танки грязи, к вашему сведению, не боятся. Так что, экипаж машины боевой, бросайте дурака валять – и вперед!

– Никто тебя валять и не собирается, – пробурчал себе под нос Сурок, свято уверенный, что услышать его нереально. Однако же инструктор услышал. И обиделся.

– Мальчик, а ты берега часом не потерял? А ну, смирно!

Однако дальше все пошло чуть иначе, чем должно было бы. Поскольку вмешался Поляков. Ловко оттерев мальчишку плечом, он негромко сказал:

– Все, закрыли тему. Сейчас помоем, не переживайте.

– А я и не переживаю. Это вы сейчас переживать будете. Вы что, решили, раз погоны нацепили, вам море по колено? Офицеры липовые!

Чем больше он кипятился, тем яснее становилось, что добром это не кончится. В словах этого излишне вспыльчивого капитана была доля истины, что правда, то правда, но и ему

стоило бы за речью следить. Увы, он в подразделение Кузнецова попал всего-то неделю назад вместо повредившего ногу предшественника и просто не знал всех нюансов. И уж точно понятия не имел о внутренней иерархии подразделения.

– Послушайте, может, стоит успокоиться? – влезла Леночка. Из лучших побуждений, разумеется, наверняка пыталась деликатно разрулить ситуацию. Но, как оказалось, сделала только хуже, поскольку инструктор, вместо того чтобы осмыслить расклады, обрушился уже на нее. И это было глупо. Поскольку орать на свою женщину Поляков не намерен был позволить никому.

– Заткнись, придурок, а то ведь за слова отвечать придется, – негромко сказал он. Тем не менее услышали это все, и реакция инструктора оказалась, по меньшей мере, не самой грамотной. Поскольку позволять бить себе морду Сергей тем более не собирался.

Все произошло очень быстро. Человек неподготовленный даже моргнуть бы не успел. Движение инструктора казалось медленным, словно время замедлило бег. Поляков без усилия, как на тренировке, ушел с линии удара и ответил, больше всего стараясь не убить. Это было не так уж просто, злости у него хватило бы на троих, однако же удар получился аккуратный, строго дозированный. Инструктор задохнулся, хватая ртом воздух и не понимая еще, сколь близок был от вдребезги разбитой гортани. Зато уж в удовольствии положить его рожей в осеннюю грязь Поляков себе отказать не смог, после чего махнул рукой товарищам:

– Все, пошли отсюда. Доложимся генералу, лично мне неохота иметь лишних проблем из-за одного дятла...

Кабинет генерала Кузнецова.

Два часа спустя

– Я все могу понять, – генерал мрачно посмотрел на своего заместителя, и Полтавец разом почувствовал себя очень неуютно. – Могу, но не хочу. Поэтому факты и только факты. Объясни мне, пожалуйста, как такое могло случиться? Ты знаешь, чем мы занимаемся, знаешь, какие предъявляют требования ко всем участникам эксперимента. Знаешь, что пацанам завтра воевать. И кто прислал к нам этого придурка? И кто, объясни мне, его допустил? Я знаю, что ты был на китайской границе, вопрос прошел мимо тебя, но у каждой ошибки есть фамилия, имя и отчество. И я хочу их знать, потому что в следующий раз это может кончиться уже травмами у наших парней и потерей боеспособности подразделения перед операцией. Знаешь, что тогда будет? На барабан натянут наши с тобой шкуры. А мне этого как-то совсем не хочется.

– погоди. Я твое возмущение понимаю, но надо еще посмотреть, кто здесь виноват. И мальчишки твои...

– Они такие же мои, как и твои. Наши, отнесись к этому именно так. И да, они виноваты. И сами это осознают, иначе не пришли бы ко мне. Я им вставил по самые гланды, но – им завтра идти в бой.

– В креслах, – фыркнул Полтавец.

– Может, сам возглавишь танковую атаку, а потом будешь похоронки писать? Первое – да, не побоишься, а вот второе... Мальчишки – потенциально сильнейшее наше оружие, и нельзя это не учитывать. Поэтому я и спрашиваю, кто прислал этого придурка? Мне все равно, решил он в дедовщину поиграть или ему просто жена не дала сегодня, но ломать все из-за безмозглого идиота я не собираюсь. На, полюбуйся!

– Что это? – Полтавец взял со стола бумажный лист так осторожно, словно это была готовая в любой момент разорваться граната.

– Это? – генерал скривился так, будто сожрал кислую лимон. – Это, друг мой, акт медо-свидетельствования. Если коротко, сядь наш герой сегодня за руль, прав лишился бы моментально. Мне что, нормальных людей самому искать прикажешь? А то ведь снова на алкаша нарветесь и даже не узнаете, пока он кого-то не убьет. Или сам не получит.

Крыть было нечем. Нет, в армии пили всегда. Но вот ставить под угрозу операцию из-за водки – это уже серьезно, за такое не погладят по головке ни виновного, ни его командиров. Кузнецов вздохнул:

– Я намерен законопатить этого придурка в самый глухой гарнизон. Там он хотя бы не сможет растрепать по пьяни о том, чем мы здесь занимаемся. А и растреплет – кто ж ему поверит. Будет на Чукотке заниматься подсчетом тюленей. Самое место ему там. Ну а мы с тобой должны заняться делом.

Полтавец кивнул. Что же, генерал выбрал наименьшее из зол. Хотя ситуация и впрямь неприятная. А Кузнецов тем временем извлек из сейфа карту – бумаге он по старой привычке доверял все же больше, чем экрану компьютера или планшета – и ткнул в нее пальцем:

– Что скажешь?

Полтавец склонился над творением генеральского таланта, несколько минут думал, задал пару вопросов и махнул рукой:

– Я бы сделал чуть иначе, но твой вариант не хуже.

– Очень хорошо. Тогда вылетаешь немедленно. Времени у тебя будет совсем немного, но думаю, справишься.

– Нервничаешь? – спросил Полтавец.

– Есть немного. Все же в первый раз такое учиняем.

– Не переживай, разберемся. И не таких за жабры брали.

– Не говори гоп... Ладно, отставить пессимизм. Дуй на аэродром, самолет уже под парами. И да. Потом готовься лететь на восток.

– Опять Китай? – досадливо поморщился Полтавец.

– Не опять, а снова. Но в этот раз все проще. От них на нашу сторону перебежал какой-то хмырь, вроде бы из участвовавших в последней заварухе. Контрразведка сейчас его потрошит, а когда они закончат, стоит с ним пообщаться. Взгляд с другой стороны может оказаться ценным.

– Понял. Ладно, я пошел.

– Ни пуха, – усмехнулся Кузнецов и, когда дверь закрылась и он остался в одиночестве, без улыбки пробормотал: – Удача нам всем понадобится.

Калининград.

Через восемь часов

Поляки – народ своеобразный и свято уверенный в собственной исключительности. Впрочем, в этом он не одинок³. И, стоит признать, людей, не распрощавшихся окончательно со здравым смыслом, в Польше тоже хватает, в том числе среди занимающих высокие посты. Именно это обстоятельство и удерживало сейчас поляков от коллективного самоубийства – иначе назвать войну с Россией было сложно.

Собственно, Польша, как и весь мир, замер в тревожном ожидании. С одной стороны, русские сейчас избивали вторгшуюся на территорию Калининградской области группировку. Истребляли методично и безжалостно, не стремясь брать пленных. «Человек десять для суда возьмите – и хватит с них». Автора этих слов никто не мог вспомнить, но приказ исполняли с энтузиазмом. Да и то, что пленных объявят террористами и, согласно принятому буквально накануне закону, повесят, тоже не скрывалось. И Польше с этим надо было что-то срочно делать.

³ Это свойственно любому народу, причем чем он мельче – тем более гротескные формы может принять мания величия. В собственной исключительности убеждены и русские, и британцы, и французы с немцами и прочими финнами. Более того, всевозможные «братушки», вроде сербов, тоже уверены, что они самые-самые. Из-за чего у традиционно вступающей за потерявших берега единоверцев России то и дело возникают неприятности.

С другой стороны, хваленое НАТО не спешило на помощь полякам. Все же с юридической точки зрения вторжение Польши на территорию соседа – это исключительно ее вопрос и ее же проблема. Все же формально НАТО – оборонительный союз. Вот если бы русские хоть чуть-чуть, хотя бы краешком танковой гусеницы зацепили территорию кого-то еще... Но русским этого просто не требовалось. Они не пытались пробивать «коридор» через Прибалтику или делать еще какие-либо телодвижения. Им хватало сил, чтобы справляться с поляками силами войск, расквартированных под Калининградом.

Но установившееся равновесие не устраивало никого. Ни «партнеров» вконец оборзевших поляков, ни саму Польшу. В конце концов, потеря немалой части армии и суд над уцелевшими как над террористами (а русские не скрывали, что планируют сделать) мог закончиться как минимум политическим кризисом в стране. Но и Россию все это устраивало лишь постольку-поскольку. Преподать урок полякам – это программа минимум. А вот преподать на их примере урок всему миру, да так, чтобы всем Иосиф Виссарионович с Лаврентием Павловичем милыми и добрыми показались... А еще сделать это так быстро, чтобы никто опомниться не успел!

Увы, последнее выглядело малореальным. С Россией поляки граничили только в районе того же многострадального Калининграда, а размещенных там сил было достаточно для обороны, но не для наступления. А пропускать ради такого дела войска через свою территорию не хотел никто, даже формально союзная Белоруссия. Необходим был какой-то нестандартный ход – и подразделение, отлично показавшее себя в локальных (и не очень), конфликтах пришлось весьма кстати.

Самым проблемным моментом выглядела доставка техники в зону конфликта. Все же количество натовских кораблей на Балтике зашкаливало, и не приходилось сомневаться – они постараются не допустить переброску войск. Вплоть до провокаций или даже, как вариант, неприкрытой атаки. Потом юристы отбрешутся. Или даже оправдываться не будут – им не привыкать, а дело будет сделано. Однако три «Руслана» с солидным истребительным прикрытием прошли над морем спокойно. Особой нервозности летчики потенциального врага не проявляли. Много войск тремя бортами в любом случае не перебросишь, а погибать... Их ведь предупредили: одна ракета – и с неба ссадят все, что летает, независимо от национальной принадлежности. А потом ударят по аэродромам. Учитывая, что ЗРК «вели» действительно все находящиеся в небе самолеты, угроза пустой не выглядела, да и время полета транспортных машин в нейтральной зоне буквально несколько минут.

Дороги под Калининградом были неплохи. Куда лучше, чем на большей части России. Во всяком случае, танковозы шли по ним ровно-ровно, практически без тряски. Группа Полтавца разместилась в двух здоровенных мазовских автобусах и ехала позади с комфортом. БТРы сопровождения с десантом на броне внушали уверенность в собственных силах, но их вмешательство не потребовалось. Если здесь и имелись выскользнувшие каким-то невероятным образом из окружения поляки, то свое существование они предпочитали не афишировать. Так что до места выгрузки добраться смогли без особых проволочек. Разве что на одном из блокпостов долго провозились с проверкой документов.

Выгрузка тоже не доставила проблем. Танки, коротко взрыкнув дизелями, сошли с платформ как бесплотные духи. Полтавец только головой покрутил – мастерство «золотых мальчиков» росло на глазах. На незнакомых машинах, с дистанционным управлением, отработали так, что у куда более опытных танкистов от зависти должны были челюсти отвиснуть. Но отвисли они у сопровождающих и водителей танковозов и совсем по другой причине.

– Они что у вас, всю поездку в танках сидели? – удивленно спросил у Полтавца командовавший группой сопровождения майор. Вообще-то, и отвечать, и задавать вопросы было, учитывая статус подразделения и секретность операции, против правил, но когда над головой

в любой момент могут засвистеть пули, взаимоотношения между людьми в форме резко меняются. А потому, выдержав короткую паузу, полковник усмехнулся:

– Ну да. Чтобы в любой момент быть готовыми идти в бой.

– Железная выдержка у ребят, – уважительно кивнул майор и двинулся к своим людям. Полтавец же принялся наблюдать за действиями своих подопечных. Собственно, только наблюдать он сейчас и мог. Парни сидели в тысячах километров отсюда, напялив шлемы виртуальной реальности, и отдать им приказ, конечно, можно было, но занятие это выглядело проблематичным и малоперспективным. А как только танки начнут действовать – и вовсе малореальным. Оставалось лишь заниматься своими прямыми обязанностями и думать о том, что, возможно, очень скоро все танки станут такими же. И это хорошо, потому что не будут гибнуть танкисты. Вот только немного обидно...

Возможно, еще обиднее ему стало бы, если б он слышал разговор, который в это же самое время происходил в малом операторском зале базы, где и собрались основные участники действия. Просто потому, что в этом разговоре не было и намек на серьезность момента. Трое лейтенантов отнюдь не собирались трепать себе нервы. Одно дело быть максимально собранными и готовыми показать противнику мастер-класс, и совсем другое – нервничать по поводу ответственности и возможной неудачи. Нервные клетки не восстанавливаются, а пережигать себя раньше времени – верный путь к провалу. И потому все трое привычно, «на автомате», проверяли состояние техники и оценивали ситуацию вокруг, одновременно трепясь по поводу, к предстоящему бою не имеющему отношения в принципе. Если конкретно, о женщинах.

Неугомонный Сурок – куда ж без него-то – в очередной раз озаботился своей личной жизнью. Но вместо того, чтобы решать свои проблемы самостоятельно, решил попросить совета у старших и (хочется верить) более успешных в плане серьезных отношений товарищей. И время лучше выбрать не мог, конечно. Выслушав его охи-вздохи, Поляков лишь усмехнулся.

– Паш, открою тебе страшную тайну. За редким исключением, – тут он кивнул в сторону Леночки, – женщины делятся на три категории. Первая – красивые, вторая – верные. Ну а третья – верные и красивые, но резиновые. Поэтому брось заниматься ерундой и принимай мир таким, какой он есть. Дешевле обойдется. Или шагай в сексшоп, там хотя бы за что заплатишь, то и получишь.

– Ага, спасибо. Я в один такой зашел... случайно. Охренел.

– Резинового Горбачева видел?

– В смысле?

– Ну, говорят, туда пенсионеры заходят, недовольные пенсией, итогами холодной войны и сексуальной жизнью. Они требуют резинового Горбачева.

– Да ну тебя. Меня там больше средства для обездвиживания поразили. Я-то думал, для этого наручники применяются, а там... В общем, нездоровая у людей фантазия.

– Это точно. Лично я воспринимаю лишь одно такое средство. Ящик шампанского – и все, любой... или любая превращается в недвижимость. Ну а ты у нас, похоже, извращенец.

– Да ну тебя, – обиженно надулся Сурок.

– Хорош обижаться, – вмешалась Леночка. – А ты, Сереж, перестань дразнить мальчишку.

– Я ж не виноват, что он на все ведется. Впаришь ему какую-нибудь ерунду, и...

– А ему эта ерунда обоснованной покажется.

– Именно, – ожил, почувствовав дружескую поддержку и возможность уйти от неприятной темы, Сурок. – Обосновать можно что угодно. Любой бред.

– Например?

– Да пожалуйста. Куренье – это яд. Яд – это смерть. Смерть – это сон. Сон – это здоровье. Курите на здоровье.

– Действительно, любой бред можно обосновать, – раздалось от двери. Все трое подскочили как ужаленные, а генерал Кузнецов, довольный произведенным эффектом, усмехнулся. – Ну что, мандража, я вижу, не наблюдается?

– Не дождетесь, – фыркнул Сурок.

– Мне нравится ваш настрой, – генерал кивнул, сел в свободное кресло. – Ребята, я сейчас не могу приказать – я прошу. Эту задачу надо выполнить любой ценой. Я вам уже это говорил, да и сами вы не дураки... В общем, на кону не все, но очень многое. Поэтому надо победить. И еще. Пока вы побеждаете, любой ваш косяк будет прикрыт. Даже на серьезные прегрешения будут смотреть сквозь пальцы. Но если проиграете, вам многое припомнят. У проекта хватает противников, и они свой шанс не упустят. Посадить вас не посадят, конечно, но карьере вы свою угробите запросто.

– И где та карьера, – пробурчал Сурок и тут же поднял руки в примирительном жесте. – Все-все, шучу я.

– Я так и понял, – снова усмехнулся генерал. Эта троица была не только перспективной, но и забавляла его. – В общем, я сказал – вы услышали. Не буду мешать.

В тот момент, когда за Кузнецовым закрылась дверь, там, на другом конце страны, танки как раз прибыли к месту предстоящей операции. А затем настал, как любят говорить в военных драмах, момент «Х», и танки синхронно рванули с места, очень быстро скрывшись из поля зрения Полтавца и иже с ним. Большая игра продолжалась.

По другую сторону границы.

Через два часа

Про поляков можно сказать разное, но факт в том, что на армии они никогда не экономили. Другое дело, что не всегда действовали рационально, да и с правителями, равно как и с полководцами, им частенько фатально не везло. И результат был соответствующий – череда взлетов и падений, которая, тем не менее, была одним из факторов, сохранивших поляков как нацию.

Когда-то польская армия была лучшей в Европе. Ну и в мире, наверное, тоже. Во всяком случае, даже сильные и опасные в бою соседи вроде немцев и турок связываться с ней побаивались. Но то – времена рыцарские, специфические, а жизнь на месте не стоит. И вот наступил момент, когда на смену феодальным дружинам пришли марширующие колонны мушкетеров.

Поляки в области вооружений, стоит признать, не отставали. А вот в плане организации – увы и ах. Каждый мелкий, но гордый шляхтич был готов послать далеко и надолго кого угодно, хоть собственного короля. В такой ситуации вопрос о беспрекословном подчинении и, тем более, передаче под прямое командование королю личных войск не стоял вообще. Менее чем за сотню лет Польша скатилась от положения одной из ведущих держав до состояния территории, которую грабят и делят все кому не лень. И перестала существовать как государство.

Более ста лет бунтов, кровавых и безуспешных. Затем семнадцатый год в России – и поляки на волне патриотизма (а заодно и с помощью французов) в кратчайшие сроки ухитрились создать мощные, современные вооруженные силы, остановившие напор Красной армии. Не в последнюю очередь из-за не самого лучшего командования последней, но факт остается фактом.

А спустя менее чем двадцать лет после триумфа быстрый и жесткий разгром от немцев. И не помогли ни храбрость солдат, ни вполне приличное техническое оснащение – паршивое командование убило все на корню. Лишь помощь СССР позволила возродиться и Польше, и ее армии.

С того времени развитие польской армии шло вполне предсказуемо. Вначале в рамках Варшавского договора, потом в числе стран НАТО. И, как следствие, к моменту очередной стычки родственников-соперников, в смысле, Польши и России, она была едва ли не сильней-

шей в Европе. Снова, как и столетия назад. Только вот противник, точно так же как и в далеком прошлом, на шаг ее опережал.

Сейчас группировка польских войск расположилась буквально в паре сотен метров от границы, демонстрируя непреклонную решимость и волю к победе. Вот только приказа атаковать у них пока не было, что весьма нервировало офицеров, вынужденных все силы бросить на поддержание морального состояния личного состава хотя бы на минимально допустимом уровне. И ничего удивительного в этом не было. Очень трудно оставаться готовым выполнить любой приказ воякой, когда знаешь, что там, совсем недалеко отсюда, убивают твоих товарищей.

А их убивали – грохот взрывов и вой заходящих в атаку русских штурмовиков был очень даже неплохо слышен. А приказа идти на помощь все не поступало, и эта неопределенность, как часто бывает, действовала на солдат разлагающе.

В ситуации, когда личный состав находится во «взвинченном» состоянии, а отцы-командиры мало того, что сами нервничают, так еще и загружены по уши, ничего удивительного, что на три прогрохотавших, не скрываясь, по дороге танка без опознавательных знаков в сопровождении нескольких крытых грузовиков, никто не обратил внимания. Ну, едут и едут по своим делам... В нормальной ситуации такое было бы недопустимо и, откровенно говоря, нереально. Только вот Польша всегда славилась умением скатиться к состоянию эпического бардака. Когда же имеется куча равнооблеченных властью и притом равнобезответственных начальников, можно проверить и не такое. Что три танка – полк при некоторой удаче проскочит.

Вообще, на руку сыграло и то, что основная часть польских бронетанковых сил состояла из танков советского образца. Знаменитые Т-72, неоднократно модернизировавшиеся в самой Польше и имеющие множество вариантов дизайна, подчас весьма футуристически выглядящего. Т-90, являвшиеся, по сути, дальнейшим развитием той же самой платформы, хоть и отличались внешне, но не настолько, чтобы бить в колокола и поднимать всех по тревоге. Танки принимали за свои, что, с учетом многообразия польского «зоопарка», совсем неудивительно. Это осуществляющей спецоперацию группе, собственно, и требовалось.

Если бы среди поляков нашлись знающие люди, которые сумели бы не только отличить русские танки от своих, но и проанализировать их маршрут, они бы ужаснулись. Вот только с экспертами здесь и сейчас было тяжело, а средства наблюдения и связи работали, мягко говоря, не лучшим образом. Накрывшая всю Польшу (а также частично ее соседей) русская система РЭБ давила их, как слон тараканов, лишь шум стоял. А маршрут группы по наикратчайшему курсу упирался в город Олыштын. Побратим Калининграда, к слову. И город этот, ничем вроде бы не примечательный, на самом деле оказался вполне достойной целью.

Если уж говорить откровенно, то целью группы был даже не сам город – зачем он русским? А вот военная база рядом с ним представляла немалый интерес. И немалую ценность. А все почему? Так ведь ответ простой – база принадлежала американцам.

Еще не так давно стремящаяся всеми силами подняться выше по неофициальной шкале таблицы о рангах НАТО, сиречь подлизнуть у американцев активнее других, Польша озаботилась размещением у себя американских военных баз. Самим Штатам эти базы не сильно-то и требовались, хватало уже имеющихся. Плюс кризис, перманентно развивающийся и не думающий прекращаться, создавал огромные дыры в их бюджете. Но в свете нарастающей конфронтации с Россией они пошли на создание военных баз, да не одной, просто обозначающей военное присутствие в регионе, а сразу нескольких. В том числе и базы в пятнадцати милях от города Олыштын. И была эта база на проверку самой главной.

Наличие Олыштынской базы не было секретным, а вот ее содержимое – еще как. До границы совсем недалеко, плевком достать можно, а потому разместили здесь ракеты, махом пре-

одолевающие расстояние до Калининграда, а если потребуется, достающие намного дальше. Считалось, что они проскочат мимо русских ПВО прежде, чем те отреагируют.

Но ракеты – это секрет Полишинеля. Всем ясно, что русская космическая и агентурная разведка чужие базы возле границ отслеживает. А вот чего, как считалось, никто не знал – так это наличие на базе ядерных боеголовок. Такой козырь на все случаи жизни американцы упустить не могли. Это было уже серьезнее. Только вот и русские – не лохи, информацию о том, что за сюрприз им приготовлен, разведчики получили едва ли не раньше, чем ядерные гостинцы оказались на базе. И тогда же начали готовить операцию по нейтрализации угрозы – оставлять здешним долбодятлам такие игрушки любому здравомыслящему человеку казалось совсем неосмотрительным.

Собственно, за ракетами группа сейчас и выдвигалась. Точнее, к ракетам – в свете происходящего русских устраивал любой расклад. Будут ли боеголовки захвачены, вывезены и продемонстрированы миру в качестве убойного козыря на очередных переговорах. Будут ли подорваны (и не рассказывайте, что сделать это могут только владельцы – есть варианты, особенно с учетом навыков и традиций русской разведки) и превратят окружающую местность в радиоактивную пустыню. Будут ли просто разрушены, а радиоактивные материалы разнесены вокруг на десятки километров, сделав тот же Олыштын непригодным для жизни. Главное, урок всей Европе преподадут при любых раскладах. Простых людей, конечно, жалко, но кто ж виноват, что Польша решила влезть в игры взрослых дядек? В том числе и эти самые простые люди, потому что каждый народ достоин своего правительства.

Конечно, имелся вариант с накрытием американской базы своими ракетами, тот же «Искандер» вполне на это способен, только ведь потом не отмоешься. И концов не найдешь, а обвинять Россию – старинная европейская традиция. Вопли о том, что русские применили ядерное оружие, поднимутся до небес. А так – все законно и вдобавок тщательно задокументировано. Боеголовок не должно тут быть? Не должно. Откуда они? Американцы, как всегда, отмажутся. Остальное проблемы как всегда лопухнувшихся поляков. И, кстати, все пойдет в эфир в реальном времени. Русские тоже многому научились. В том числе и тому, что высокопарно называют информационной войной.

Провожаемые искренними проклятиями местных пейзажей, которые в танках не разбирались, зато хорошо понимали, что танковые гусеницы запросто превращают только-только отстроенные автобаны в труху, русские продвигались вперед. Обращать внимание на стоны населения вражеской страны у них не было времени. Проклятия (в силу темного времени суток немногочисленные, зато искренние) все равно никто не слышит, а поставленную задачу никто не отменял. И жесткие ограничения по времени тоже.

Интересно, что сейчас чувствуют вражеские солдаты, а особенно офицеры, – думал Полтавец, трясясь в кузове грузовика вместе со своими бойцами. – Им ведь приходится воевать так же, как предкам во Вторую мировую. Без систем наблюдения, практически без связи... Ведь те, кто имел добротную подготовку времен СССР, кто умер, а кто давным-давно в отставке. Нынешних же орлов воевать в таких условиях попросту не учили.

К американской базе они вышли точно в назначенное время – к четверем утра, когда особенно хочется спать, а часовые, единственная замена хитрой электронике, клюют носами. Танки вышли на позиции, заранее выбранные и разведанные, пехота начала готовиться к штурму. Возникла пауза, во время которой у игроков, сидящих в уютном кабинете, появилась возможность осмотреться. Ну и поразмыслить над тем, с кем предстоит драться. Выходило неприятно – однако же далеко не смертельно. Во всяком случае, для них троих.

Предки, ухитрившиеся пролюбить Империю, конечно, поступили как дятлы, но порой им нельзя было отказать в некоей толике житейской мудрости. К примеру, когда они направо и налево продавали, а то и вовсе раздавали лицензии на производство военной техники. Тем же полякам или там чехам...

Вот только раздавать-то раздавали, но кое-какие секреты придерживали. И, как следствие, Т-72, имеющиеся сейчас у противника, кое-чего были лишены. Их, конечно, модернизировали, впихнув много интересных новинок западного производства, которые и не снились разработчикам советских танков. Что, учитывая более чем полувековой разрыв во времени и разные школы танкостроения, совсем неудивительно.

Но один из ключевых для любого танка нюансов остался прежним – слабая защита. Там, где танки советского, а позднее российского производства несли многослойную композитную броню, их клонам, в одночасье ставшим противниками, оставалось довольствоваться обычными стальными пластинами. Тоже не фунт изюму, но все же и далеко не шедевр.

Сейчас это было на руку игрокам. Их снарядами польская броня пробивалась в любой проекции. А вот усиленная броня Т-90 для польских снарядов была малоуязвима. Тем более у танков спецсерии, заметно превосходящих по защищенности свои прототипы. И это в предстоящей схватке грозило стать по-настоящему сильным козырем. Главное, суметь его использовать, но уж на этом Поляков со товарищи давно собаку съели и намеревались сейчас подтвердить свою высокую квалификацию. И репутацию, естественно, поддержать, как же без этого.

Снаряд аккуратно и удивительно мягко скользнул из автомата заряжания в казенник оружия. С едва слышным чавканьем, будто насытившийся зверь, встал на место затвор. Установленные в танке микрофоны передали звук в точности – ненужная вроде бы мелочь, однако для полного погружения штука небесполезная. И, как показали эксперименты, повышающая тем самым боевую эффективность. На какие-то совсем ничтожные проценты – но кто сказал, что они будут лишними в бою?

В тысячах километров от места грядущего боя Поляков вытер тыльной стороной ладони разом вспотевший лоб и усмехнулся одними губами:

– Ну что, мальчики-девочки, поиграем?

– Девочку ты в зеркале увидишь, когда я отойду, – фыркнула в ответ Леночка. – Работаем да пошли уже, что-то я сегодня не в форме.

– Ох уж мне эти женские циклы, – как всегда не преминул влезть Сурок. Закономерно схлопотал подзатыльник и, как всегда не обидевшись, махнул рукой. – А я что? Я ничего. Я ж не знал, что правда-матка глаза колет...

– Внимание! Пехота вышла на позиции. Тридцать секунд!

Все, разговоры в сторону. Пора воевать. Польский танк был виден как на ладони. Это очень хорошо, когда прикрывающая тебя система РЭБ давит всю электронику на доброй четверти территории Польши. Ты врага видишь, а он тебя – нет. На долю поляков, да и американцев тоже, оставалось лишь визуальное наблюдение, которое ночью... В общем, с ним много не навоюешь. И все спутники на орбите бесполезны, с ними банально отсутствует связь. Конечно, инфракрасный диапазон никто не отменял, но люди высадились из машин заранее, последние два километра добирались пешком и прикрыты до поры теплорассеивающими накидками. Хрен их поляки увидят, а когда бой начнется, будет поздно. Танки же... Что свои, что чужие, в инфракрасном диапазоне один черт не разберешь.

Но, конечно, постаралась охрана базы на совесть. Внешний периметр охраняют поляки, у них восемнадцать Т-72 и шесть «Леопардов». Не самых новых, игрокам приходилось бить модификации куда опаснее, но все же, все же... Шестикратный численный перевес что-то да значит. Хорошо еще, минные поля только управляемые, а потому сейчас бесполезные. Считайте, нет их. Да и большинство солдат банально спят, и выход из строя электроники никого не настораживает – ее выбило буквально через пять минут после начала конфликта. А так как даже частично восстановить хоть что-то кроме проводной связи до сих пор не удалось, то к проблеме попросту привыкли, стали воспринимать как обыденность. А зря...

– Готовы?

– Да, – Сурок вдруг стал предельно собран. Для тех, кто его не знал, подобная метаморфоза могла оказаться шоком.

– Всегда готова, – улыбнулась Леночка. – Да пребудет с нами Сила.

Поляков и Сурок переглянулись, а затем дружно кивнули. В свете того, что они знали, сказанное не казалось им шуткой.

На стороне противника было численное преимущество. На стороне атакующих – эффект внезапности, системы наведения и лучшая подготовка. Вдобавок тот факт, что их танки заняли удобные позиции вокруг базы, метрах в двухстах от вражеских танков, распределили между собой цели и не перекрывали друг другу секторы обстрела. Ну и возможность первого удара, конечно, причем танкисты нанесли его синхронно. Настолько, что звуки выстрелов слились воедино.

Первый снаряд Полякова угодил в борт очень удачно стоявшему Т-72. В этой проекции защита танка выглядела, мягко говоря, не блестяще. Лобовая броня толстая, все остальное – по остаточному принципу, это аксиома для любой бронированной машины уже почти сто лет. Со времен Второй мировой войны как минимум. И если повезло так удачно занять позицию, ее преимущества надо использовать по максимуму. То есть бить сразу и насмерть, что, в общем-то, и произошло.

Были в танке люди или нет, Поляков так и не узнал. Просто чужая машина громко бумкнула, ее башня подскочила на несколько метров. Перевернулась в воздухе и воткнулась орудийным стволом в землю. Из корпуса в небо устремился столб огня, но почти сразу опал, превратившись в самый обычный, только очень большой костер.

Вот так, классика жанра. Всевозможные эксперты, как действительно грамотные, так и доморощенные, как любят говорить, диванные, просто обожают рассказывать, как неудачна советская концепция проектирования танков. И слюной они при этом брызгали не жалеючи. Советские танки обвиняли в том, что неудачное расположение боезапаса не оставляет экипажу шансов, да и вообще они склонны к детонации. Конечно, возводить эту уязвимость в абсолют не слишком правильно, однако сейчас именно она и сработала.

Попадание в боеукладку, детонация, а потом загоревшееся топливо... Если экипаж ночевал в танке, то, конечно, у него просто не оставалось шансов. Но этого впечатляющего зрелища Поляков в тот момент не видел. У него были куда более важные заботы. К примеру, срочно поймать в прицел еще один танк противника – не стоило забывать, что у поляков их еще много.

Второй целью оказался «Леопард». Хороший танк, настоящее немецкое качество. Разумеется, не самой последней модификации, но тоже весьма серьезный противник. Стоял он не слишком удобно, бить пришлось в лоб, но это компенсировалось небольшой по меркам современного боя дистанцией. Три снаряда всадил в него Поляков, два без видимого эффекта, а вот после третьего «немец» все-таки выбросил небольшой огненный протуберанец и лениво зачал. Порядок!

Еще один польский танк, взревев двигателем, начал разворачиваться в сторону угрозы. Там экипаж, видимо, был на месте и поразительно быстро очухался. Все же с момента, когда прозвучал первый выстрел, прошло чуть больше минуты, а пшки, смотри-ка, успели и в себя прийти, и двигатель завести. Этому танку Поляков удачно разворотил башню, после чего танк замер, не принимая дальнейшего участия в бою. Четвертому танку со второго выстрела удалось разворотить двигатель...

Товарищи дрались не хуже. Сурок успел сжечь шестерых, но он всех ухитрился подбить с первого выстрела. Из этой шестерки три – «Леопарды», причем все они громко «бумкали» и горели как свечи. Леночка сожгла пятерых.

Бабах! Танк Леночки превратился в костер. Девушка от неожиданности шарахнулась, едва не перевернув кресло, и сорвала с головы шлем. Выругалась, словно заправский сантех-

ник, и едва удержалась от того, чтобы разбить ценный девайс об пол. А товарищи уже искали того, кто сумел до нее дотянуться – и нашли!

Т-72, с виду обычный – но орудие уже развернуто в сторону Пашкиного танка. И позиция идеальная – низина, из которой торчит одна лишь башня. По стандартной натовской тактике работал – и, похоже, машина русской разработки подходила для нее как нельзя лучше. В Леночкину машину он стрелял снизу вверх и попал чуть пониже орудия, аккуратно между башней и корпусом. Неудивительно, что от ее танка мало что осталось – рвануло знатно.

А противник не так уж прост. Опытные профессионалы – ночевали в танке, изначально расположили его в укрытии, а не забили хрен, как их товарищи. Моментально сориентировались, грамотно отработали. . . Вот только не было рядом тех, кто готов поддержать и прикрыть, вокруг царил паника, и, один против троих, польский экипаж уже исчерпал свой лимит удачи.

Пашка рывком бросил свою машину вперед и влево. Снаряд с шелестом прошел над его кормой. Поляков, в свою очередь, выстрелил четко, будто на полигоне. Башня вражеского танка была увешана коробками динамической защиты, но польская версия этого девайса уважения не заслуживала. Бронебойный снаряд, порция смерти из обедненного урана (их у русских нет, а если даже и есть, то русские их не рискнут использовать против «цивилизованных» стран, ага, вы сами-то в это верите, господа из НАТО), проломил не такую уж и толстую стальную плиту и размазал по стенкам всех, кто находился в танке.

В принципе, на том хоть какое-то организованное сопротивление внешнего кольца обороны и прекратилось. Нет, поляки не побросали оружие и не разбежались, они были храбрыми людьми, но, оказавшись в положении слепых котят и видя, как расстреливают остатки танков, до которых даже не успели добраться экипажи, они мгновенно потеряли желание героически гибнуть во славу президента и его заокеанских хозяев. Тем более они и подумать не могли, что их попросту больше – в темноте всегда кажется, что ты один, а врагов несметные полчища. В общем, они пошли на прорыв. Их не преследовали.

Вторая линия обороны – знаменитая и распиаренная донельзя американская морская пехота. Их не так много, бронетехники тоже нет. Ну, почти нет – грубоподобные бронетранспортеры не в счет, на них отсутствует оружие, способное причинить заметный урон только что раскатавшим внешний периметр танкам. Другой вопрос, что и тем нет смысла лезть в ближний бой, штурм базы – не их задача. А вот отстрелить те же бронетранспортеры, представляющие реальную угрозу пехоте, – дело как раз по ним.

В своем кабинете Поляков чуть прищурился и легким движением лежащего на клавише пальца насадил шевельнувшуюся было американскую боевую машину на огненный трассер снаряда. Эффект был впечатляющим. Вспышка – и бронетранспортер разом превратился в огненный цветок. Крыша боевого отделения, подброшенная взрывом, улетела неизвестно куда, а борта раскрылись лепестками и упали на землю. Что осталось от экипажа, не хотелось даже гадать. Финита ля комедия, господа, вас сюда никто не звал.

Сурок, решивший не отставать, принял участие в веселье. Фугасный снаряд угодил аккуратно в угол здания редкостно функциональных очертаний. Из орудия калибром сто двадцать пять миллиметров можно развалить и кирпичное, и бетонное сооружение, но конкретно эта конструкция явно относилась к числу быстровозводимых. Во всяком случае, панели летели по небу, как та фанера над Парижем. Среди обломков промелькнуло чье-то подброшенное взрывом тело. Или показалось? Потом можно посмотреть запись, хотя... зачем? Подобные мелочи перестали волновать игроков уже давно.

Они продолжали стрелять, подавляя вражеские огневые точки, разбивая снарядами остатки бронетехники. Леночка азартно подпрыгивала в своем кресле, но вмешиваться по понятным обстоятельствам уже не могла. Поляков даже посочувствовал девушке – все же танк она потеряла исключительно по невезению.

К самой базе танки даже не пытались приблизиться, активно маневрируя – все же противотанковые средства американцев никто не отменял, и они понимали толк в этой гадости. И тот факт, что наиболее продвинутые ракеты, благодаря все той же РЭБ, можно было считать условно безопасными, не вносил в их действия даже намек на расслабленность. И не зря. Как минимум три раза их пытались достать, а в четвертый даже попали.

Какой тип противотанковой ракеты угодил в лобовую броню его танка, Поляков даже и не понял. Скорее всего, что-то примитивное и неуправляемое, может статься, даже отечественный РПГ. В конце концов, этого добра на польских складах хватало, да и американцы простым, надежным и эффективным оружием советской разработки никогда не брезговали. Как бы то ни было, танк устоял, его даже тряхнуло несильно. Активная защита ракету остановить не смогла, но динамическая сработала штатно, да и броня оказалась на высоте.

Оставалось надеяться, что стрелка, ухитрившегося едва не остановить чудо российской оборонки, размазало по стенке – во всяком случае, место выстрела Поляков обработал из крупнокалиберного пулемета. Ибо нечего геройствовать когда не просят и серьезным людям мешать. И без того целей хватает, нечего еще и на всякую мелочь отвлекаться.

Но основное бремя штурма несла на себе пехота. Все как всегда. Пока танки лупили по целям из орудий, старательно держась на безопасных позициях, штурмовая группа ворвалась на базу. Естественно, безо всяких криков «Ура!», дружного подъема в атаку под огнем противника и закрытых грудью амбразур. К чему такие крайности? Здесь вам не кинематограф. Сейчас вперед шли не кое-как обученные новобранцы прошлой войны, а хорошо подготовленные специалисты, не одну собаку схарчившие на операциях вроде этой.

Игрокам практически ничего не удавалось разглядеть, хотя в их распоряжении была современнейшая аппаратура танков. Только вспыхивали то здесь, то там короткие перестрелки, да один раз чей-то хриплый голос попросил «огоньку» – уж слишком удачно засел какой-то не в меру храбрый штатовский пулеметчик. Лупил из своего «крупняка» без остановки – видать, патронов у него были ящики, мог позволить себе не жалеть. И огонь его был не то чтобы точный, но эффективный – прижимал атакующих, не давая поднять головы. Да еще позицию выбрал хорошую, среди в беспорядке сложенных бетонных блоков. Поляки умели порой устроить бардак не хуже соседей-русских, и сейчас это оказалось для пулеметчика очень кстати.

Но если пули только выбивали из бетона серое крошево и пыль, мерзкую, но, по большому счету, не опасную, то снаряд из танкового орудия заставил лихого стрелка заткнуться моментально. А потом американцы начали поднимать руки – их морская пехота умела воевать, но не собиралась погибать, когда считала ситуацию безнадежной и не была обучена, сцепив зубы, продавать свою жизнь подороже. И, даже не исчерпав возможности к сопротивлению (два бронетранспортера выглядели еще вполне целыми), они сложили оружие в попытке сохранить жизнь.

Полтавец вошел на территорию базы одним из первых. Положение обязывает, да и, откровенно говоря, не привыкать. Не в первый раз он бывал на захваченных объектах. Бывало, они доставались победителям целыми. Наоборот тоже случалось. Конкретно эта база представляла собой нечто среднее. Не вылизанный до блеска ряд строений, но и не лунный пейзаж.

Однако же внешний вид базы его сейчас мало интересовал. Главное, начинка, а она была захвачена в целости и сохранности. Совершенные в своей хищной простоте корпуса ракет так и остались на стартовой позиции. Новенькие, со всеми полагающимися у американцев маркировками. Слепой не перепутает. И теперь у русских был козырь для переговоров с соседями.

*Берлин.
Утро*

Немецкий канцлер, бесспорно, четвертый по значимости человек в мире. Первые три позиции – американцы, русские и китайцы, причем если янки пускай с трудом, но удерживают первую позицию, то за второе место идет незримая внешне, но упорная борьба. И улыбки дипломатов тут ничего не значат. Работа у них такая – улыбаться, сохраняя хорошую мину при плохой игре.

Правда, и на четвертую позицию то и дело покушаются французы, англичане, а то и вовсе какие-нибудь японцы. Однако же после того, как с поста канцлера ушла наконец фрау, которую американцы крепко держали на крючке за ошибки социалистической молодости, ее преемнику удалось заметно укрепить позиции Германии на международной арене. Да и экономику тоже приподняли, а мигрантов, напротив, качественно прижали, что добавило новому канцлеру популярности у собственного народа. В общем, есть, чем гордиться.

Тем более не привык он просыпаться из-за того, что кто-то срочно захотел поговорить с ним по телефону. Но – пришлось, русские воспитаны и деликатны, и если уж решили побеспокоить кого-то в такую рань, значит, точно по делу. Какому? Ну, тут ясно. Польский конфликт. Наверняка попросят быть посредниками в переговорах. За согласие, то бишь в оплату германского авторитета на международной арене, можно немало выторговать. А при мысли о возможных дивидендах сентиментальная душа истинного немца пела не хуже, чем у какого-нибудь еврея. В конце концов, и те и другие умели считать деньги.

– Рад приветствовать вас, герр президент, – с тех пор, как видеосвязь стала обыденностью, общение приобрело куда более личностный характер, чем при разговоре по обычному телефону. И сейчас канцлер имел возможность в подробностях рассмотреть своего визави. К его удивлению, тщательно, впрочем, скрываемому, тот особенно взволнованным не выглядел. Усталый, да, озабоченный, но, если вдуматься, то все в пределах нормы. – Чем могу быть полезен?

– И вам не хворать, – русский чуть заметно улыбнулся, от чего его не по возрасту молодое лицо стало напоминать ястребиное. Такое же хищное и опасное, хотя вроде бы и не злое. – Надеюсь, нас никто не слушает?

– Я тоже надеюсь, – хмуро отозвался канцлер. Привычка американской разведки лезть со своими микрофонами в каждую щель уже давно стала притчей во языцех. Помещение и линию связи регулярно проверяли лучшие немецкие специалисты, но кто их знает, этих янки. Они народ не только наглый, но и очень грамотный технически, да и храбрости им не занимать. Не всем, конечно, однако в разведке не держат ни дураков, ни трусов.

Русский правильно интерпретировал его тон и усмехнулся. Пожалуй, он был доволен, и это почему-то нервировало канцлера. Впрочем, для того, чтобы неясные предчувствия обрели форму, времени ему не дали.

– Знаете, в чем общая проблема наших стран? – президент говорил спокойно, улыбка сошла с его лица, и оно стало бесстрастным, как маска. – У нас никогда не было хорошего дипломатического корпуса. Отдельные самородки-профессионалы встречались, но в общем и целом на этом поприще мы никогда не блистали. И победы этих самородков тоже были локальными, сдюжить против толпы сложно. Именно поэтому, случалось, что вы, что мы выигрывали битвы и войны, только вот мир с завидным постоянством ухитрялись проиграть. Это ничего, что я так долго мыслю по древу растекаюсь?

– Совершенно нормально, – тут же заверил его канцлер. Уж кто-кто, а он хорошо понимал – зря русский не говорит ничего. И значит, его длинное вступление тоже для чего-то было нужно. Даже если цель – просто создать необходимую атмосферу, это тоже не зря. – Я вас внимательно слушаю.

– Это хорошо, это радует... Итак, слабость нашего дипломатического корпуса – это, конечно, минус, однако сейчас она не играет роли. Я хочу поговорить, как офицер с офицером. Думаю, без дипломатических экивоков нам проще будет понять друг друга.

Вот так, не слишком-то и тонкий намек на прошлое. Если конкретно, на то, что канцлер когда-то служил в армии ГДР, недолго, но все же. А русский – соответственно в советской разведке. Что же, оставалось лишь кивнуть. Русский тоже кивнул, понял, мол, а затем спросил:

– Канцлер... Скажите, как вы относитесь к тому, чтобы превратиться в пепел?

– Отрицательно.

– Я и не сомневался в этом. Очень хорошо, что вы разумный человек. Надеюсь, вы помните, что считают символом России?

– Медведя?

– В дырочку! – русский довольно улыбнулся. – Именно медведь. Но не Винни-Пух, а хищник, обладающий невероятной силой и готовый насмерть драться, отстаивая свою территорию. И если мы с вами не договоримся, он вас сожрет. Помните, что сказал великий Бисмарк? Я знаю тысячу способов разбудить русского медведя и ни одного, чтобы загнать его обратно в берлогу. Вам... Не лично вам, а вашей коdle, почти удалось разбудить медведя. Остался лишь один шаг. Готовы пожертвовать своей страной, чтобы разбудить его окончательно?

– Вы можете говорить понятнее? – поведение русского президента начало изрядно раздражать канцлера. – Сами же предложили без дипломатии.

– А ее здесь и нет. У нас конфликт с Польшей, и на ее территории мы захватили американскую военную базу. А на ней – ракеты с... особой начинкой. Ракеты, которых там официально нет. Германия тут ни при чем, но если нам попытаются помешать закончить начатое... Если хоть одна армия мира дернется, то весь мир узнает, чьи ракеты свалились им на голову. Причем на чью именно – откуда мне знать? Мы всего лишь вернем вам ракеты... своим ходом. А уж чьи координаты внесли американцы... Да-да, именно они, ведь официально никто не способен влезть в «мозги» системы наведения... Поэтому выбирайте: или вы сможете договориться с американцами, чтобы все сидели и рта не открывали, пока мы разбираемся с польскими террористами, или же вам придется на себе испытать, что такое ядерные ракеты. Подозреваю, всем будет выгоднее свалить происходящее на самодеятельность поляков, где-то раздобывших ядерные ракеты, но нас, в принципе, устроят оба варианта.

– Вы не посмеете...

– Ну почему же? Ракеты не наши, мы просто вернем их. Официально. Взорвутся? Так кто виноват в том, что ваша техника такая ненадежная? Ну а на все остальное нам плевать.

– Не слишком похоже на речь цивилизованного человека.

– Ну, мы же давным-давно озвучили: мир без России нам не нужен. А вот остальными мы вполне можем пожертвовать. Хоть вами, хоть китайцами. Или поляками, которые вот сейчас видятся нам террористами, укравшими ядерные заряды. Я повторяюсь? Ничего, лучше поймете. Решайте. Минимизировать скандал можно и таким образом.

– Время?

– Вчера. Сами виноваты. Думать нужно было раньше, а сейчас вам придется исполнять приказы. Надеюсь, вы меня поняли?

Канцлер еще пытался вяло протестовать, но больше для того, чтобы сохранить лицо... Хотя бы в собственных глазах. Русский давил его, будто асфальтовый каток лягушку, медленно и безжалостно. Дал посмотреть на снимки разгромленной американской базы и самих ракет... В общем, крыть такое было нечем. Русские и впрямь способны были осуществить свою угрозу. И они и впрямь не Винни-Пухи. За последние десятилетия их страна успела изрядно накачать мышцы, и связываться с ними теперь было смертельно опасно. По сути, все, что говорил сейчас президент, можно было описать всего одним словом: убьем. А главное, он не шутил. И вместо дивидендов от посреднической деятельности перед канцлером маячили совсем другие перспективы. Если конкретно, то разгребать то дерьмо, которое заварили эти долбаные поляки. А главное, делать это придется совершенно бесплатно!

Что же, учитывая обстоятельства, придется работать на совесть. Если вдуматься, ничего невозможного в требовании русских нет. Переговорить со всеми заинтересованными лицами – и, в принципе, все. Те же американцы предпочтут замять дело, спустить его на тормозах, а мелочь вроде прибалтов никто и спрашивать не будет. Шикнут на них из-за океана – будут сидеть тихонечко и пикнуть бояться. И русские войска, если что, пропустят, особенно если им заплатят за транзит. Поляки... А что поляки? Их судьбу можно считать уже решенной. Да и, по большому счету, в какой позе их будут иметь русские, канцлера волновало сейчас в последнюю очередь. Сами виноваты, гонор впереди мозгов родился. Но работать бесплатно! Это корежило и заставляло с трудом удерживать в себе злость. Нет, он этого так не оставит! Придет время – и кто-нибудь заплатит ему. За все заплатит...

*Польша,
окрестности захваченной американской базы.
Это же время*

Ну, стоит признать, что на этот раз аналитики не ошиблись. Точно предсказали и время, и место операции. Умеют, когда захотят!

Дина оторвалась от бинокля – единственного, пожалуй, доступного сейчас средства визуального наблюдения. Все остальное не работало – постарались русские на совесть.

Подчиненные Дины расположились тут же, замаскированные так, что с трех шагов не увидишь. Все же обучали их неплохо, пусть даже это и не особенно требуется танкистам. Сейчас все они с профессиональным интересом рассматривали заставленное сгоревшей бронетехникой пространство вокруг базы. Да уж, сработали русские профессионально, ничего не скажешь.

Хуже всего приходилось сейчас Полански. Если говорить образно, то выглядел он подавленным, словно картофельное пюре. Оно и неудивительно – он ведь родом из этой страны, и как бы даже не из этих мест. И ему неприятно видеть, как по земле, которую он, несмотря на отъезд, считал своей, ходят вражеские солдаты. Ну да что поделаешь, сейчас гиганту оставалось только зажать свои чувства в кулак и выполнять приказ. Других вариантов у него, собственно, и не было.

Дина вздохнула. Жаль товарища, и сделать ничего не получается. Отвратительная ситуация. Но и интересная, место боя – как на ладони. Куча сожженной бронетехники, и не только танков. Тела русские уже прибрали, а по поводу сгоревших танков, бронемашин, чьей-то шикарной «Феррари», выглядящей так, будто по ней прошла танковая гусеница, и прочему металлолому даже заморачиваться не пытались. Чуть в стороне замер еще один танк, судя по виду, один из русских. Капитально его разнесло, выгорел полностью. Тем не менее русские взяли его под охрану, даже пулемет выделили...

Протарахтел над головами вертолет, судя по красным звездам на бортах, русский. Стало быть, воздушное пространство они уже взяли под контроль. Скорее всего, не особенно плотный, но летать кому-то левому здесь не позволят. Ну да, кто бы сомневался – заметно выше, завывая двигателями, неторопливо прошла четверка таких же, как вертолет, краснозвездных истребителей. Откуда-то из-за холмов в их сторону рванулись две ракеты, но самолеты на диво ловко уклонились, после чего ответили. Попали или нет, разглядеть Дина не могла, но взрывалось громко, да и горело ярко. И, что характерно, стрелять по русским никто больше не пытался.

Дина вновь перевела взгляд на захваченную русскими базу. Русские танки она увидела сразу. Всего две штуки. Два здесь, один сгоревший... Даже если предположить, что кого-то... да пусть даже столько же она не засекла, все равно учиненный ими разгром выглядел впечатляюще. Очень похоже, здесь работало одно из тех подразделений, за которыми Дина со своими людьми охотилась. Точнее, пыталась охотиться – только сейчас до молодого, перспективного и

порой чересчур пышащего энтузиазмом офицера начало доходить, что кто за кем будет, если что, гоняться, вопрос открытый.

Один из танков как раз заправляли горючим. Дина присмотрелась, удивленно пожала плечами – экипаж, похоже, даже не пытался принять хоть какое-то участие в процессе. Зажравшаяся гвардия, х-ха! Воевать умеют, не поспоришь, но вот ручки пачкать, видимо, не хотят.

Ага, и снаряды тоже грузить не вылезли. Однако же обслуживающие танк солдаты недовольства не выказывали. Зато следующий момент удивил. Вместо того чтобы загружать боеприпасы через люк, как обычно, в бортовой части танка откинулась стальная плита, и снаряды начали укладывать прямо туда. Видно было плохо, далеко и неудобный ракурс, но Дине показалось, что там работает нечто вроде элеватора. Интересное решение, хотя, с точки зрения защищенности, весьма спорное. Русские наверняка тоже это понимают. Интересно, что они придумали для компенсации ослабленной зоны...

В этот момент башня второго танка начала медленно разворачиваться, будто отыскивая цель. Когда ствол орудия повернулся в их сторону, Дина непроизвольно вжалась в землю – ощущение было такое, словно целятся персонально в нее. И тот факт, что до русских было не меньше километра, ничего не менял. Однако даже если они вдруг что-то заметили, четверка людей не заинтересовала танкистов. Развернувшись на триста шестьдесят градусов, башня вновь замерла. Лишь после этого Дина выдохнула и поняла вдруг, что все это время даже воздух в легкие набрать не могла. Опытный, не раз проверенный боем офицер, она в первый раз в жизни так отчетливо поняла, что значит быть одной, без брони вокруг, без возможности ответить или хотя бы убежать, против танка. Ощущение ей не понравилось.

Русские между тем продолжали осматривать трофеи. Вокруг одного из «Леопардов» они ходили несколько минут, и, если бы Дина слышала их разговор, то посочувствовала бы кое-кому. А все дело в том, что польский танк не выглядел ни сгоревшим, ни разбитым. Две маленькие, как раз под размер сердечника бронебойного снаряда, пробоины в моторном отсеке – и, в принципе, все. А вот то, что люки задраены наглухо, причем изнутри, говорило о том, что экипаж, возможно, жив. Просто вовремя сообразили, что сопротивление бесполезно, и решили отсидеться. Оно вроде бы и черт с ними, но не факт, что командованию удастся закончить войну раньше, чем сюда подойдут польские войска. И тогда потенциально опасная огневая точка в собственном тылу может стать весьма неприятной проблемой.

Впрочем, решение выглядело простым, как все гениальное. Постучав по броне обломком металлической трубы, чтобы привлечь внимание, от поляков потребовали выходить с поднятыми руками. Польский и русский языки, конечно, серьезно отличаются, но не настолько, чтобы сделать непонятным смысл приказа. Не дождавшись ответа, русские просто облили танк слитым из разбитого грузовика бензином и предупредили, что сейчас подожгут его к чертовой матери. В этот раз экипаж решил не строить из себя глухонемых и довольно шустро выбрался наружу. Бить их – Дине хорошо это было видно – не стали, просто обыскали и загнали в одно из технических строений, отведенное для пленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.